

52
292

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ

СЛУШАТЕЛЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА

1-го выпуска (1878—1880 гг.).

Н. Н. ОГЛОБЛИНЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія А. П. Лопухина. Телѣжная ул., д. № 5.

1903.

Отдѣльный оттискъ изъ XV выпуска „Вѣстника археологiи и исторiи“,
издаемаго Археологическимъ Институтомъ въ С.-Петербургѣ.

69
69

Изъ воспоминаній слушателя Археологическаго Института 1-го выпуска (1878—1880 гг.).

I.

Знакомство съ Археологическимъ Институтомъ.

Въ первый разъ мнѣ пришлось услышать имя Н. В. Калачова, какъ автора цѣнныхъ историко-юридическихъ изслѣдованій и редактора многихъ историческихъ изданій, на практическихъ занятіяхъ по русской исторіи у проф. *Вл. Бон. Антоновича* ¹⁾ и на лекціяхъ по русской исторіографіи проф. *Вл. Ст. Иконникова*, когда въ 1872—73 гг. состоялъ «постороннимъ слушателемъ» на историко-филологическомъ факультетѣ Кіевскаго университета. Въ студенты мнѣ не удалось попасть: учился я въ кіевской семинаріи и поступалъ въ университетъ въ тотъ злосчастный для семинаристовъ годъ, когда въ повѣрочныя испытанія ихъ была введена математика, плохо поставленная въ большинствѣ семинарій. На вступительномъ экзаменѣ по математикѣ произошло страшное «избіеніе младенцевъ»: изъ 100 семинаристовъ кое-какъ сдали экзаменъ только 7 человѣкъ... Я не былъ въ числѣ этихъ счастливыхъ и остался въ университетѣ въ качествѣ вольнослушателя. Не надѣясь и въ слѣдующемъ году выдержать страшную для насъ математику, черезъ годъ я поступилъ на историческое отдѣленіе

¹⁾ Подъ его руководствомъ появилась моя первая работа — «Письмо архіеп. Брунова къ герм. имп. Генриху II», напечатанная въ кіев. «Университ. Извѣстіяхъ», 1873, № 7.

киевской духовной академіи, гдѣ каѳедры русской исторіи были заняты тогда выдающимися профессорами (покойными) *Ф. А. Терновскимъ* и *И. И. Малышевскимъ*. Занимаясь, подъ руководствомъ перваго кандидатскимъ сочиненіемъ ¹⁾, я впервые столкнулся съ изданіями Калачова, не подозревая тогда, что скоро познакомлюсь съ нимъ лично.

По окончаніи академическаго курса я рѣшилъ искать мѣста въ одномъ изъ историческихъ архивовъ. Лѣтомъ 1878 г. я обратился къ извѣстнымъ археографамъ — петербургскому Александру Ильичу *Тимофѣеву* и московскому Алексѣю Егоровичу *Викторову*. Оба они очень любезно отвѣтили, особенно послѣдній, знакомый съ моимъ покойнымъ отцомъ, протоіереемъ и ключаремъ Кіево-Софійскаго собора, бывшимъ много лѣтъ хранителемъ извѣстной соборной библіотеки, рукописями которой не разъ занимался Викторъ.

Тимофѣевъ писалъ, что въ петербургскихъ архивахъ Синодальномъ и Государственномъ «вакантныхъ мѣстъ нѣтъ въ настоящее время. Я совѣтовалъ бы вамъ предложить ваши услуги директорамъ московскихъ архивовъ м—въ иностранныхъ дѣлъ и юстиціи. Директоры оныхъ, *Н. В. Калачовъ* и баронъ *Бюлеръ*, имѣютъ въ своемъ распоряженіи особыя суммы на ученныя работы при архивахъ. Съ г. Калачовымъ я иногда встрѣчаюсь и готовъ при первой оказіи замолвить о васъ словечко... Попробуйте написать обоимъ челобитныя»...

Письмо А. Е. Викторова было содержательнѣе: «очень, очень жалѣю, что не могу сказать вамъ въ отвѣтъ ничего утѣшительнаго. Въ настоящее время нѣтъ и не предвидится въ близкомъ будущемъ вакансіи ни въ нашемъ музеѣ (Румянцевскомъ), ни въ Дворцовомъ архивѣ. Не могу указать для васъ подходящаго мѣста и въ другихъ подобныхъ учрежденіяхъ. Не попытать ли развѣ вамъ счастья въ архивѣ м—ва юстиціи, гдѣ начальствуетъ *Калачовъ*. Это повидимому было бы тѣмъ удобнѣе, что Калачовъ, по слухамъ, едва-ли не главный дѣятель той самой «Исторической Библіотеки», куда вы отправили статью свою. Правда, что въ архивѣ юстиціи служба не особенно выгодная: жалованье всего

¹⁾ «Арсеній архіеп. Элассонскій и его Описаніе путешествія въ Московію (1588—89 гг.)», напечатанное въ «Историч. Библіотекѣ» *П. В. Полежаева*, 1879, № 8 и 9, съ возмутительными искаженіями греческаго текста, повидимому совершенно незнакомаго редактору.

лишь 600 р. и только уже послѣ продолжительныхъ подвиговъ прибавляютъ столько же изъ какихъ-то нештатныхъ суммъ. Но, конечно, чтобы съ чего нибудь начать, и этимъ можно удовлетвориться въ ожиданіи лучшаго. Если вы не противъ этого плана, въ такомъ случаѣ отправьте къ Калачову письмо съ просьбою увѣдомить васъ, нѣтъ ли въ его распоряженіи въ архивѣ или еще гдѣ-либо вакансіи. Кстати Калачовъ относится съ большимъ уваженіемъ къ воспитанникамъ дух. академій».

«Какъ вамъ извѣстно конечно,—продолжалъ Викторовъ,—Калачовъ недавно устроилъ особый *Архивный* (Археологическій) *институтъ*, и въ этомъ институтѣ, по слухамъ, можно въ одно время и учиться и служить гдѣ-либо въ архивѣ. Не пуститься-ли вамъ въ этотъ институтъ развѣ (туда принимаютъ только кончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ). Какъ бы то ни было, такъ какъ Калачовъ считается *генераломъ отъ архивовъ*, и дѣйствительно въ его распоряженіи могутъ быть вакансіи, то не мѣшало бы отнестись вамъ къ нему съ запросомъ... У насъ въ Москвѣ есть еще генералъ отъ архивовъ—баронъ *Бюлеръ*, но этотъ—ужаснѣйшій..., Калачовъ же... человекъ порядочный».

Я поспѣшилъ обратиться къ тому «генералу отъ архивовъ», на котораго указывали Тимофѣевъ и Викторовъ. Я написалъ Калачову, прося о мѣстѣ въ одномъ изъ историческихъ архивовъ. Объ Археологическомъ институтѣ я тогда не думалъ, пугаясь его названія, такъ какъ не чувствовалъ влеченія къ археологій. Правда, Викторовъ назвалъ институтъ «архивнымъ», но я не зналъ, на сколько онъ былъ тутъ правъ.

Въ началѣ августа 1878 г. получаю слѣдующій отвѣтъ Калачова:

«Вслѣдствіе письма вашего отъ 18 іюля сего 1878 г., спѣшу вамъ сообщить, что я очень бы желалъ быть вамъ полезнымъ и вполне сочувствую стремленію вашему стать ближе къ источникамъ русской исторіи, хранящимся преимущественно въ Москвѣ и Петербургѣ; но предполагая, что вамъ необходимы матеріальныя средства, и зная, какъ трудно они достаются, считаю долгомъ васъ увѣдомить, что опредѣлить васъ на службу не трудно, но весьма трудно достать службу, которая могла бы съ перваго раза обезпечить васъ. Я могу вамъ сказать одно: при нѣкоторой литературной дѣятельности я могу обѣщать вамъ въ вознагражденіе за труды до 600 р. въ годъ. Очень можетъ быть, что ваши произведенія будутъ стоить несравненно болѣе, но увѣрить васъ, что

журналы или другія изданія будутъ ихъ оплачивать — крайне опасно, зная, какъ наши издатели большею частію желаютъ получать историческіе и другіе серьезные труды даромъ. Поэтому если васъ не пугаетъ скудное на первый разъ вознагражденіе 600 р. въ годъ, то милости просимъ — въ Петербургъ или Москву, я постараюсь помочь вамъ. Но до 15 сентября я буду въ разъѣздахъ, а съ 15-го въ Петербургѣ, куда и потрудитесь писать мнѣ, или же, если вы сами рѣшитесь пріѣхать, явиться ко мнѣ въ тотъ день на Васильевскій островъ, 12 линія № 19 (Археологическій Институтъ)».

Отвѣтъ Калачова былъ очень неопредѣленный: не то онъ общалъ мнѣ архивную службу, не то предлагалъ «нѣкоторую литературную дѣятельность»... Во всякомъ случаѣ, о моемъ поступленіи въ Археологическій институтъ не было помина ни въ моемъ письмѣ, ни въ его отвѣтѣ. Одно было ясно, что Калачовъ общается «помочь» въ моемъ стремленіи — «стать ближе къ источникамъ русской исторіи». Этого было достаточно для моего рѣшенія ѣхать въ Петербургъ, отбросивши всякія сомнѣнія, особенно относительно матеріальныхъ средствъ, хотя вопросъ о нихъ былъ не послѣднимъ въ виду того, что отъ своей семьи я могъ получать очень скромную поддержку.

Въ половинѣ сентября 1878 г. я былъ въ Петербургѣ и увидѣлся съ Калачовымъ въ Археологическомъ институтѣ, помѣщавшемся въ его домѣ. Подымаюсь во 2-й этажъ и нахожу на двери мѣдную дощечку съ надписью славянскою вязью: «Археологическій Институтъ». Дверь открылъ почтенный воинъ изъ отставныхъ гвардейцевъ (симпатичный старикъ *Осипъ*). Въ залѣ встрѣтилъ институтскаго секретаря Александра Петровича *Ясенскаго*, предложившаго подождать пріема Николая Васильевича, занимавшагося въ своемъ кабинетѣ.

Зала была очень обширная, уставленная по стѣнамъ соломенными стульями, и только каеэдра съ доскою у одной стѣны показывали, что я нахожусь въ какомъ-то не то ученомъ, не то учебномъ учрежденіи. Изъ сосѣдней комнаты — библіотеки доносились голоса занимавшихся тамъ слушателей. Другая, примыкавшая къ залѣ комната была предназначена для зарождавшагося музея древностей.

Въ одномъ углу залы скромно пріютился молодой человѣкъ, также ожидавшій аудіенціи у Калачова. Немного спустя Осипъ ввелъ къ намъ еще одного молодаго человѣка. Мы разсѣлись по разнымъ угламъ залы, молча присматриваясь другъ къ другу.

Почти черезъ часъ насъ пригласили въ небольшой кабинетъ Н. В—ча (подлѣ бібліотеки). Не смотря на чиновничій обликъ лица Калачова — безъ усовъ и бороды, съ одними баками — «котлетками», оно производило очень симпатичное впечатлѣніе. Особенно привлекали его добрые, прищуренные по близорукости глаза (очковъ онъ не носилъ) и мягкая, съ какимъ-то грустнымъ оттѣнкомъ улыбка. Ему было уже за 50 лѣтъ, но лицо выглядывало довольно моложавымъ, почти безъ морщинъ и сѣдинъ. Неустанная кабинетная работа согнула его довольно высокую фигуру и сдѣлала ее сутуловатой. Говорилъ онъ очень свободно, быстро, изрѣдка только заминаясь и подбирая выраженія, пересыпая рѣчь остротами, смѣхомъ. Голосъ былъ грудной, очень пріятный, съ богатой интонаціей.

Н. В. встрѣтилъ насъ очень любезно, усадилъ и началъ спрашивать. Моими коллегами оказались — кандидатъ правъ Казанскаго университета (*М. Е. Чевскій*, слушатель I выпуска) и кандидатъ филологіи Московскаго университета (фамиліи не помню, онъ скоро исчезъ съ институтскаго горизонта). Оба они собирались поступить въ институтъ. Очевидно, и меня Калачовъ причислил къ этимъ же кандидатамъ. Это было недоразумѣніе, которое неудобно было тогда разсѣять, сославшись на письмо ко мнѣ Калачова.

Я сталъ слушать монологъ его, разъяснявшій задачи Археологическаго института.

— Институтъ, — говорилъ онъ между прочимъ, — весьма ограниченъ въ своихъ средствахъ, но нѣкоторую помощь можетъ оказывать слушателямъ стипендіями въ 300 р. Теперь свободны 2 стипендіи, но кандидатовъ, съ вами тремя — 5 — 6 человекъ... Затѣмъ, гонораръ за статьи въ институтскомъ «Сборникѣ» — по 40 — 50 р. за листъ... Для полученія стипендіи необходимо заявить себя письменной работой по спеціальностямъ института и... вообще успѣхами... Стипендіи не хватитъ на всѣхъ васъ, но гонораръ доступенъ каждому...

— Однако, — замѣчаетъ кто-то изъ насъ, — пока я найду интересный матеріалъ, пока обработаю его, пройдетъ немало времени...

— Не думайте, — живо перебилъ Н. В., — что такъ трудно найти интересный матеріалъ. Вотъ напр. — составить карту какогонибудь уѣзда по даннымъ писцовыхъ книгъ XVI вѣка...

И онъ пустился объяснять подобныя работы, уже начатыя

нѣкоторыми слушателями. Мы замѣтили ему, что это очень продолжительныя работы...

— Разумѣется,—согласился Н. В.,—а потому большинство слушателей занимаютъ разныя мѣста. У насъ есть представители самыхъ разнообразныхъ профессій—учителя, чиновники, офицеры и др. Вы (обращаясь къ филологу) имѣете какое либо занятіе?

— Служу въ коммерческомъ судѣ и съ будущаго мѣсяца общаюся давать по 25 р.

— А вы? (къ юристу).

— Пока ничего не имѣю...

— И вы также? (къ мнѣ).

— Да, я только что пріѣхалъ...

— Есть у васъ здѣсь знакомства?

— Почти нѣтъ...

— На что же вы рассчитывали?

— Я ожидалъ, что вы поможете мнѣ поступить въ одинъ изъ историческихъ архивовъ...

— Да, но видите-ли: мой архивъ въ Москвѣ и тамъ теперь нѣтъ свободныхъ мѣстъ. Въ здѣшніе архивы я могъ бы васъ рекомендовать, но сейчасъ я не имѣю свѣдѣній о вакансіяхъ, а съ другой стороны... согласитесь, что рекомендовать васъ я пока не могу... Я долженъ узнать васъ... И вообще, до окончанія курса въ моемъ институтѣ трудно рассчитывать на полученіе прочнаго мѣста въ архивѣ. А вотъ по окончаніи можете ожидать самыхъ видныхъ мѣстъ по архивной части...

Въ заключеніе этой бесѣды, длившейся болѣе часу, Калачовъ отпустилъ насъ съ такимъ напутствіемъ:

— Вотъ, господа, обдумайте мои слова, осмотритесь здѣсь, поищите подходящихъ занятій и тогда милости просимъ къ намъ. Что касается института, то онъ всегда по мѣрѣ возможности будетъ заботиться о васъ... До свиданья!

II.

Вступленіе въ институтъ.

Нѣсколько дней я находился въ нерѣшительности... Была мысль поступить на какую нибудь службу, добиться жалованья и тогда идти въ слушатели института. Но это значило откладывать дѣло въ долгій ящикъ, да и чиновничья служба не привлекала.

Я рѣшилъ рискнуть—поступить въ институтъ, въ ожиданіи будущей стипендіи, а пока имѣя нѣкоторую поддержку отъ родныхъ и надежды на кое-какой литературный заработокъ. Петръ Васильевичъ *Полежаевъ*, редакторъ-издатель «Исторической Библиотеки», принялъ мое кандидатское сочиненіе и обѣщалъ скоро напечатать. Онъ бесѣдовалъ съ Калачовымъ обо мнѣ и просилъ устроить въ архивѣ, но получилъ въ отвѣтъ, что на архивное мѣсто я могу рассчитывать только послѣ института...

8 октября отправился въ институтъ, чтобы узнать относительно подачи прошенія и др. условій поступленія. Секретаря не оказалось, но встрѣтилъ слушателя Давида Марковича *Мейчика*, который энергично поддерживалъ мое стремленіе къ институту. Онъ увѣрялъ, что Калачовъ близко принимаетъ къ сердцу нужды слушателей и на его помощь всегда-де можно рассчитывать. Въ первомъ семестрѣ стипендіи свободно назначались каждому нуждающемуся слушателю, но нѣкоторые стипендіаты скоро бросили институтъ и теперь стипендіи выдаются очень осмотрительно—только тѣмъ, кто уже «заявилъ себя работами». Институтъ вообще ограниченъ въ своихъ средствахъ, такъ какъ существуетъ на случайныя пожертвованія частныхъ лицъ.

На другой день я подалъ прошеніе А. П. Ясенскому (Калачовъ былъ въ Москвѣ) и прослушалъ первую для меня лекцію по «*Церковнымъ Древностямъ*» Николая Васильевича *Покровскаго*. Для большинства слушателей этотъ предметъ представлялся довольно чуждымъ и мало интереснымъ, но Н. В. умѣлъ оживить этотъ сухой предметъ и заинтересовать имъ всѣхъ. Самъ онъ видимо былъ что называется влюбленъ въ свои древности и поражалъ слушателей большимъ воодушевленіемъ, особенно когда трактовалъ близко занимавшіе его вопросы. Это живое отношеніе къ дѣлу невольно передавалось слушателямъ, начинавшимъ интересоваться такими темами, о которыхъ прежде не было и помышлений. Помимо талантиности лектора и громадной эрудиціи, къ нему привлекала насъ вся его симпатичная личность и полная простота въ обращеніи съ нами, чуждая малѣйшей тѣни официальнойности и напоминавшая отношенія старшаго товарища къ младшимъ. Н. В.—въ вѣстѣ съ тѣмъ былъ ученымъ секретаремъ института и чутко отзывался на всѣ интересы институтской жизни.

Лекція происходила (какъ и остальные) въ той институтской залѣ, о которой говорилъ выше. Противъ каѳедры ставились столы, за которые садились слушатели, записывая (почти всѣ) лекціи.

Лекціи же Н. В. Покровскаго записывались еще стенографисткою и часть ихъ была потомъ литографирована.

Тутъ въ первый разъ я увидѣлъ своихъ коллегъ—слушателей института, изъ которыхъ зналъ пока Мейчика и Чевскаго. Всѣхъ было на лекціи около 15 человѣкъ, большинство молодые люди и нѣсколько пожилыхъ, среди которыхъ бросался въ глаза толстый подполковникъ Аполлонъ Николаевичъ *Шихинъ*, воспитатель 2-й петербургской военной гимназіи.

На этой, какъ и на другихъ лекціяхъ, обязательно присутствовалъ почетный членъ института Василій Александровичъ *Прохоровъ*, довольно извѣстный въ свое время археологъ, хотя эта извѣстность была болѣе отрицательнаго характера... Онъ былъ довольно счастливый собиратель древностей, преимущественно церковныхъ; но дальше этого собиранія не пошелъ и съ своими коллегіями ничего не сдѣлалъ, если не считать его незаконченнаго изданія «Христіанскія Древности». Къ институту онъ видимо тяготѣлъ, ухаживая за Калачовымъ и мечтая сдѣлаться нашимъ лекторомъ. О печальныхъ опытахъ его лекторства въ институтѣ рѣчь будетъ ниже. Съ слушателями В. А. старался сблизиться.

Лекціи Н. В. Покровскаго происходили по понедѣльникамъ, а по четвергамъ Н. В. Калачовъ читалъ «*Юридическія Древности*». Въ слѣдующій четвергъ онъ вернулся изъ Москвы и возобновилъ свои лекціи, которыя были основнымъ предметомъ въ институтскомъ курсѣ, представляя для насъ—историковъ, значительную новинку, а для слушателей—юристовъ особенную цѣнность, такъ какъ принадлежали глубокому знатоку *источниковъ* русскаго права. Читалъ Калачовъ (кажется, по конспекту) интересно, оживленно, мѣстами доходя до значительнаго пафоса. Глубокій знатокъ предмета чувствовался въ каждой фразѣ его лекцій и приходится очень жалѣть, что онъ рѣшительно отказался завести стенографическую запись своихъ лекцій, считая ихъ еще недостаточно обработанными. Мы записывали его лекціи съ большимъ усердіемъ, но это были только обрывки глубоко-содержательныхъ лекцій Н. В.

Послѣ лекціи меня позвали въ его кабинетъ. Онъ встрѣтилъ словами:

- Вы изъ академіи?
- Да, изъ кievской.
- Ваша спеціальность?
- Русская исторія.

— Вы писали чтонибудь изъ этой области?

— Немного...

Я назвалъ свои университетскую и академическую работы, первую («Письмо Брунона») уже напечатанную, а вторую («Арсеній Элассонскій») принятую «Историч. Библіотекой». О послѣдней Калачовъ замѣтилъ:

— Мнѣ говорилъ о ней Полежаевъ... Это должно быть интересно... Что же, это только переводъ мемуаровъ Арсенія?

— Переводъ съ изслѣдованіемъ объ авторѣ и его мемуарахъ.

— Вотъ прочитаемъ... А вы служите гдѣнибудь?

— Нѣтъ. На первыхъ порахъ я обезпеченъ мѣсяца на 2—3, а потомъ...

— Да—да, потомъ мы найдемъ чтонибудь, что не мѣшало бы вашимъ прямымъ занятіямъ... Сразу это нельзя, нужно подождать... Жаль вотъ, что степендій теперь нѣтъ, но они будутъ... А пока совѣтую вамъ порыться, поискать какойнибудь новой темы для исторической работы... Мы ее напечатаемъ въ «Сборникѣ», за гонораръ... Если сами не найдете темы, я предложу вамъ свою...

На этомъ покончилась бесѣда, и я вышелъ съ званіемъ «слушателя Археологическаго Института», на каковое получилъ позже свидѣтельство, по которому проживалъ въ Петербургѣ. Кромѣ меня, было еще кажется 2—3 слушателя, жившихъ по такому же свидѣтельству, а всѣ остальные не брали его, состоя на службѣ въ разныхъ учрежденіяхъ.

III.

Положеніе института.

Во второмъ (для меня первомъ) семестрѣ институтскаго курса (сентябрь—декабрь 1878 г.) наши занятія въ институтѣ были немногосложны и не требовали частыхъ хожденій туда, такъ что я могъ поселиться довольно далеко отъ института — на Малой Морской ул., чтобы быть поближе къ Публичной библіотекѣ, гдѣ приходилось проводить многіе часы. Въ институтъ мы ходили первое время только по понедѣльникамъ и четвергамъ, на лекціи Покровскаго и Калачова, которыя продолжались по часу — отъ 10 до 11 ч. у., чтобы дать возможность служилымъ людямъ вовремя поспѣть на службу.

Но всѣ мы, какъ связанные службою, такъ и свободные отъ нея, не ограничивали своего пребыванія въ институтѣ только ча-

сами лекцій, но охотно оставались въ немъ и послѣ лекцій, особенно Калачова, который всегда долго засиживался въ институтѣ, бесѣдуя съ нами о нашихъ работахъ, обсуждая разные институтскіе вопросы, сообщая научныя новости и проч. Мы очень дорожили этими часами живого общенія съ Н. В., находя здѣсь много поучительнаго для насъ. Въ этихъ частныхъ бесѣдахъ всего откровеннѣе и въ самомъ симпатичномъ видѣ обрисовывалась свѣтлая личность нашего руководителя, къ которому мы съ каждымъ днемъ все крѣпче привязывались...

Послѣдніе годы жизни Калачова почти цѣликомъ были отданы институту и всѣ другія его обязанности, заботы, интересы, очень разнообразныя и многосложныя (отъ званія сенатора до землевладѣльца включительно), отошли у него на задній планъ. Институтъ надъ всѣмъ доминировалъ, поглощая послѣднія силы этой кипучей натуры, отдохнувшей только въ могилѣ... Положеніе института, существовавшаго на частныя средства, было крайне непрочное, неустойчивое. Внутренняя организація его была въ зародышѣ, въ преподаваніи существовали громадныя пробѣлы, о практическихъ занятіяхъ слушателей не было и помина. Обо всемъ этомъ болѣла душа Н. В., не покладавшаго рукъ, чтобы упрочить свое созданіе, восполнить разныя пробѣлы, привлечь новыя силы.

Въ обществѣ тогда почти не знали института, печать о немъ молчала и только до ученаго міра доходили кое-какія вѣсти, иногда самыя превратныя, заставлявшія чуть не иронически относиться къ «Калачовскому институту»... Калачовъ, всегда высоко ставившій значеніе общества и чутко прислушивавшійся къ голосу общественнаго мнѣнія, энергично самъ принялся за пропаганду своего учрежденія, пользуясь для этого своими обширными и разнообразными связями среди различныхъ слоевъ общества. Съ кѣмъ бы и о чемъ бы онъ ни заговорилъ въ то время, можно было быть увѣреннымъ, что со второй—третьей фразы онъ непременно стѣдетъ на тему о своемъ институтѣ и не сойдетъ съ нея, пока не заинтересуетъ собесѣдника своимъ дѣтищемъ. Почти всѣ жертвователи на институтъ были привлечены лично Калачовымъ.

Затѣмъ онъ обратился къ содѣйствію печати — сталъ помѣщать въ газетахъ отчеты о дѣятельности института. Позже начались въ институтѣ публичныя научныя собранія, археологическія выставки, торжественныя акты и проч. Благодаря всѣмъ этимъ мѣрамъ, институтъ пересталъ быть какимъ-то домашнимъ учрежденіемъ Калачова и о немъ сочувственно заговорили въ обществѣ.

Въ первое время Калачова особенно заботила скудость каедръ въ институтѣ. Въ первомъ семестрѣ, кромѣ Калачова и Покровскаго, читалъ еще проф. *Е. Е. Замысловскій* курсъ «*Исторической географіи*». Со II семестра должны были открыть свои курсы *Л. Н. Майковъ*, *В. И. Сергѣевичъ* и *И. И. Срезневскій*, но всѣ они, какъ и Замысловскій, къ началу II семестра вышли изъ состава профессоровъ и членовъ совѣта института, вслѣдствіе столкновенія съ Калачовымъ...

Эта грустная исторія разыгралась до моего поступленія въ институтъ и я знаю о ней не много. Въ своей рѣчи на первомъ годовичномъ актѣ института (напечатанной) Калачовъ не скрылъ этого «происшествія» и прямо объяснилъ, что столкновеніе вышло изъ-за вопроса о завѣдываніи хозяйственною частью института. Вышедшіе въ отставку члены совѣта требовали, чтобы совѣтъ распоряжался и хозяйственными дѣлами института. Но Калачовъ воспротивился этому, основываясь на институтскомъ уставѣ, предложившемъ совѣту завѣдываніе только педагогическою частью. Позже Калачовъ сдѣлалъ нѣкоторую уступку и дополнилъ уставъ новою статьею, по которой для завѣдыванія хозяйствомъ учреждено «правленіе» изъ директора, правителя дѣлъ, трехъ членовъ — жертвователей и одного члена совѣта — профессора. Но эта уступка уже не вернула институту вышедшихъ профессоровъ, требовавшихъ большаго... Настоящей подкладки этой исторіи не знаю, но полагаю, что конфликтъ возникъ на почвѣ вопроса о предѣлахъ власти директора института, нѣсколько щекотливо отнесшагося къ стремленію совѣта ограничить эту власть... Излишняя щепетильность Калачова въ этомъ случаѣ тѣмъ болѣе удивительна, что онъ всегда высоко ставилъ «артельное начало» въ русской жизни (исторіи котораго посвятилъ извѣстное свое изслѣдованіе объ артеляхъ) и никогда не имѣлъ поползновеній ни къ деспотической власти, ни къ бюрократическимъ тенденціямъ.

Словомъ, эта исторія была однимъ изъ тѣхъ неловкихъ поступковъ, отъ которыхъ никто не застрахованъ... Несомнѣнно, самъ Калачовъ всѣхъ болѣе скорбѣлъ о ней, но поправить дѣла не могъ, или не сумѣлъ. Вообще, онъ самъ нерѣдко давалъ оружіе противъ себя, позволяя себѣ то, отъ чего другіе воздержались бы. Онъ былъ слишкомъ увѣренъ въ своей чистой репутаци и не допускалъ, чтобы въ его прямыхъ поступкахъ искали темной подкладки... При самомъ придирчивомъ отношеніи къ нему и его дѣятельности даже враги его, если только они были у него, не могли не пре-

клоняться предъ его незапятнанною нравственностью, непоколебимою честностью и самою благородною порядочностію. Съ этихъ сторонъ онъ былъ неуязвимъ и являлся идеальнымъ человѣкомъ.

IV.

Спеціальныя работы слушателей.

Выходъ изъ института 4 профессоръ всего болѣе повредилъ слушателямъ, вынужденнымъ довольствоваться во II семестрѣ курсами двухъ только профессоровъ. Лекціи Н. В. Покровскаго стали интереснѣе для большинства, когда отъ общей исторіи онъ перешелъ къ исторіи русскаго церковнаго искусства. Н. В. Калачовъ почти весь семестръ посвятилъ «Уложенію» царя Алексѣя Михайловича. Не довольствуясь историко-юридическою оцѣнкою этого памятника, Калачовъ давалъ намъ обстоятельные очерки, иногда очень живые и картинные, юридическаго быта московской Руси XVII в., черпая матеріалы изъ массы хорошо извѣстныхъ ему актовъ и сопоставляя ихъ съ данными «Уложенія».

Кромѣ посѣщенія лекцій, слушатели являлись для занятій въ библіотекѣ и музеѣ института, а также въ библіотекѣ Калачова, открытой тогда для публичнаго пользованія и помѣщавшейся въ томъ же домѣ его по 12 линіи. Библіотека была очень богата историческимъ и юридическимъ отдѣлами. Пользоваться книгами можно было въ самой библіотекѣ, но слушатели могли брать книги и на домъ, съ 4 ч. дня до 10 ч. утра.

Центръ тяжести нашихъ институтскихъ занятій лежалъ не въ лекціяхъ, а въ *спеціальныхъ работахъ*, избранныхъ слушателями или по собственному желанію, или по указаніямъ Калачова. Эти работы замѣняли для насъ выпускныя испытанія, которыхъ не было въ первыхъ выпускахъ института. Кромѣ того, они же давали право на полученіе стипендій и вознаграждались гонораромъ, если печатались въ институтскомъ «Сборникѣ».

Во II семестрѣ слушатели разбились на три группы, избравшія своею спеціальностью — 1) работы по «Уложенію», 2) по русской исторической географіи и 3) по описанію институтскаго музея.

Первая группа, совершившая лѣтомъ 1878 г. поѣздку въ Москву для изученія оригинала «Уложенія», задумала крупное дѣло — издать этотъ памятникъ по подлиннику, съ рядомъ руководящихъ статей по разнымъ отдѣламъ «Уложенія» и со всѣми

аттрибутами научнаго изданія — указателями, палеографическими снимками и т. п. Но по русскому обычаю, широко задуманное дѣло, привлекавшее сначала многихъ работниковъ, постепенно стало терять ихъ и сошло почти на нѣтъ, если не считать очень цѣнныхъ, но стоящихъ одиноко, работъ по «Уложенію», принадлежащихъ главному дѣятелю этой группы *Д. М. Мейчику* (см. «Сборникъ Археол. Института»). Въ концѣ концовъ онъ остался единственнымъ продуктивнымъ представителемъ группы. Кое-что было сдѣлано еще *П. Е. Ваденюкомъ* (воспитатель военной гимназіи, нынѣ покойный), взявшимъ на себя палеографическую часть изданія. Кромѣ этихъ двухъ лицъ, въ группѣ номинально участвовало около 10 слушателей. Ради этой работы заведены были «вечернія собранія» слушателей въ институтѣ, на которыхъ, при участіи Калачова, обсуждались разные вопросы по изданію «Уложенія» и читались рефераты о немъ. Съ теченіемъ времени эти собранія потеряли свой специальный характеръ и сдѣлались общими собраніями всѣхъ слушателей для обсужденія всякихъ институтскихъ вопросовъ и для чтенія разнаго рода рефератовъ.

Вторая группа слушателей (6—8 человѣкъ) занялась составленіемъ картъ разныхъ мѣстностей Россіи XVI вѣка по даннымъ писцовыхъ книгъ и др. источниковъ. Специальныхъ засѣданій этой группы не бывало, но участники ея въ частныхъ бесѣдахъ между собою обмѣнивались взглядами на ходъ своихъ работъ. Задача этой группы была новая и мы бродили въ потьмахъ, каждый на свой ладъ. Калачовъ, принимавшій живое и непосредственное участіе въ обсужденіи работъ юридической группы, къ нашей географической группѣ относился съ меньшимъ вниманіемъ, хотя инициатива картографическихъ работъ принадлежала именно ему. По новизнѣ дѣла онъ и не могъ быть здѣсь близкимъ руководителемъ, и ограничивался самыми общими указаніями, предоставляя подробности дѣла нашей самостоятельности. Конечно, тутъ была и хорошая сторона: не видя надъ собою никакой опеки, мы серьезно отнеслись къ своей задачѣ, полагаясь только на свои силы и знанія. Въ этомъ смыслѣ наши работы были много труднѣе работъ первой группы, шедшей по хорошо проторенной дорогѣ и подъ надежнымъ руководствомъ такого знатока дѣла, какъ Калачовъ.

Въ нашей группѣ участвовали *Е. М. Тимaeвъ* (чиновникъ м—ва иностранныхъ дѣлъ), *Д. П. Лебедевъ* (позже хранитель отдѣленія рукописей Румянцевскаго музея, нынѣ покойный), *М. Е. Чевскій*, *А. В. Гавриловъ*, я и др.

Первые трое взялись составить карты Новгородскихъ пятинъ, я избралъ Полоцкій повѣтъ (подъ московскимъ владычествомъ), заинтересовавшись «книгою рубежей» его, которая давала рѣдкую возможность точнѣе опредѣлить границы повѣта. Это значительно осложнило работу (о чемъ предупреждалъ меня Калачовъ, замѣтившій, что «здѣсь много работы»), но придадо ей особенный интересъ.

Моя работа была отчасти связана и съ археографическою практикою: кромѣ напечатанныхъ писцовыхъ книгъ, пришлось пользоваться и рукописными, взятыми Калачовымъ изъ Литовской Метрики (находившейся тогда при сенатскомъ архивѣ) и Московскаго архива м—ва юстиціи. Это была моя первая архивная практика, если не считать болѣе раннихъ случайныхъ занятій рукописями Кіево-Софійской библіотеки.

Всѣхъ насъ—картографовъ много волновала техническая сторона составленія картъ, рѣшительно намъ неизвѣстная, или дѣвно позабытая. Не удивительно, что съ технической стороны наши карты выходили очень примитивными и грубыми. Впрочемъ, суть дѣла лежала не здѣсь, а въ процессѣ возстановленія топографіи данной мѣстности въ XVI вѣкѣ, каковая задача разрѣшалась нами довольно удовлетворительно.

Уже въ концѣ декабря 1878 г. Е. М. Тимаевъ представилъ Калачову первый картографическій опытъ—карту Ямскаго стана Вотской пятины. Но карты другихъ слушателей еще были въ зародышѣ, нѣкоторые же бросили начатую работу, перейдя на другія работы. Я возился съ «объяснительною запискою» къ картѣ, принявшею значительные размѣры (см. «Сборникъ Арх. Инст.» кн. III и IV).

Правильнѣе всѣхъ была организована третья группа слушателей, занимавшаяся описаніемъ институтскаго музея. Она носила названіе «комиссіи объ устройствѣ музея» и имѣла отдѣльные засѣданія, которымъ вела протоколы. Предсѣдателемъ ея числился почетный членъ института В. А. Прохоровъ, секретаремъ былъ слушатель А. Н. Виноградовъ (впоследствии принявшій монашество и сдѣлавшійся, кажется, китайскимъ миссіонеромъ), но главными дѣятелями комиссіи являлись слушатели Е. М. Тимаевъ и П. С. Яковлевъ (чиновникъ м—ва путей сообщенія), составившіе обстоятельную опись музея. Участвовали въ комиссіи и другіе слушатели, напр. Р. И. Доброхотовъ (чиновникъ архива Государственнаго Совѣта), составившій коллекцію архивныхъ принадлежностей и др.

Институтскій музей былъ въ зародышѣ и медленно наполнялся путемъ пожертвованій частныхъ лицъ. На первыхъ порахъ принималось охотно все, вплоть до разнаго хлама... Но бывали и цѣнные подарки, напр. Тимаевъ подарилъ институту хорошо сохранившуюся голову египетской муміи, купленную имъ на востокѣ (гдѣ онъ раньше служилъ по дипломатической части), г. *Дерхъ* пожертвовалъ (при посредствѣ того же Тимаева) интересную коллекцію каменныхъ орудій (въ копіяхъ) и др.

Кромѣ работъ этихъ трехъ группъ, почти каждый слушатель велъ и свои чисто уже личные работы, которыя печаталъ въ «Сборникѣ Арх. Ин.», или въ другихъ изданіяхъ. О ходѣ всѣхъ этихъ работъ, особенно институтскихъ, мы узнавали на нашихъ еженедѣльных *частныхъ собраніяхъ*, оживившихся къ концу II семестра. Они происходили большею частію по вечерамъ (по средамъ), въ институтской библіотекѣ.

Одно изъ этихъ собраній (10 декабря) было вызвано приговорами къ первому публичному собранію института. Кромѣ Калачова и Прохорова, собралось до 12 слушателей, изъ которыхъ—какъ на всѣхъ нашихъ собраніяхъ—самыми дѣятельными ораторами всегда бывали Мейчикъ, Тимаевъ, Яковлевъ, Ваденюкъ, *И. Г. Даниловъ* (оберъ-секретарь Сената) и др.

Собраніе началось чтеніемъ протоколовъ музейской комиссіи, вызвавшихъ продолжительныя и оживленныя пренія о мѣрахъ къ развитію музея. Попутно возникла мысль, сочувственно принятая собраніемъ—устроить въ институтѣ, въ январѣ, археологическую выставку изъ частныхъ коллекцій. Между прочимъ Даниловъ предложилъ институту заняться изданіемъ «Археологическаго Ежегодника», по примѣру заграничныхъ. Всѣ признали полезность такого изданія, но осуществленіе его пока неудобнымъ для института, какъ очень юнаго учрежденія.

Затѣмъ перешли къ обсужденію вопроса о предстоящемъ первомъ публичномъ собраніи, назначенномъ на 15 декабря. Рѣшено на первое время нѣсколько ограничить публичность собраній—приглашать только знатоковъ и любителей исторіи и археологіи, но не «большую публику». На первое собраніе назначались рефераты Прохорова, Мейчика и Данилова.

V.

Первое публичное собраніе института.

Первый дебютъ института предъ ученою публикою сильно волновалъ всѣхъ насъ, начиная съ самого Калачова... Какъ отнесется ученый міръ къ нашему первому ученому засѣданію? сойдеть-ли оно только въ приличномъ видѣ (о большемъ и не мечта-лось), или вызоветъ отрицательное отношеніе къ себѣ?..

За своихъ коллегъ—референтовъ мы не опасались, особенно за Мейчика: это былъ нашъ—по школьной терминологіи—«первый ученикъ», отъ котораго не могло исходить ничего плохаго и который счумѣетъ за себя постоять противъ всякихъ оппонентовъ. Притомъ, рефератъ его касался «Уложенія», въ области котораго онъ былъ выдающимся специалистомъ. Рефератъ же Данилова говорилъ о его роскопкахъ въ Петербургской губ., т. е. относился къ той безобидной области, критическое отношеніе къ которой возможно только со стороны участниковъ раскопки, а таковыхъ не было у нашего коллеги.

Но рефератъ Прохорова возбуждалъ большія опасенія... Онъ собирався познакомить публику съ «предметомъ, задачами и методами археологіи». Это было вступленіе къ задуманному имъ ряду чтеній по исторіи древне-русскаго искусства. Предметъ почтенный, но совсѣмъ не по силамъ лектору...

Въ недобрую минуту Калачовъ согласился на предложеніе Прохорова прочитать публично этотъ курсъ, но потомъ спохватился, какъ рискованно институту дебютировать съ такимъ лекторомъ... Однако, было уже поздно поправлять эту ошибку: В. А-ча рѣдко допускали на ученыхъ подмостки и теперь онъ обѣими руками ухватился за представившійся случай выложить публично свой «ученый багажъ»... Сбить его съ этой позиціи было немыслимо такому мягкому и деликатному человѣку, какъ Калачовъ. Пришлось подчиниться неизбежному... Но нѣкоторыя мѣры были приняты: рефератъ Прохорова былъ проредактированъ Калачовымъ, при участіи Мейчика. Рѣшено отклонить всякія пренія по реферату, чего сильно добивался самъ Прохоровъ. Слушателямъ внушено, чтобы они возможно менѣе приглашали гостей, такъ какъ-де Калачовъ «боится за Прохорова»...

Наконецъ, настало 15 декабря. Публичное собраніе было

назначено въ 8 ч. вечера, но уже въ 7 ч. я засталъ въ институтѣ Калачова видимо взволнованнаго и въ большихъ хлопотахъ. Наша зала приняла нѣсколько иной видъ: за столами для слушателей установлены ряды стульевъ для публики. Стѣна у каѳедры увѣшана рисунками для «демонстрацій» Прохорова (изъ его же коллекцій).

Насъ собралось около 20 человекъ, да сторонней публики было столько же, главнымъ образомъ профессора университета. Были *И. Е. Андреевскій*, *П. И. Савваитовъ* и др.

Послѣ нѣсколькихъ вступительныхъ словъ Калачова, благодарившаго собравшуюся публику за сочувствіе дѣлямъ института, на каѳедру торжественно вступилъ сіяющій В. А. Прохоровъ. Пока онъ придерживался своей тетрадки, чтеніе шло прилично, но какъ только оставилъ ее для демонстрацій на доскѣ и съ рисунками, сразу обнаружилась полная несостоятельность его какъ лектора. Онъ съ трудомъ вязалъ фразы, говорилъ темно, сбивчиво, постоянно сѣзжая на сторонніе вопросы и лишніе темы. Въ этихъ туманныхъ объясненіяхъ поражала странная своеобразность взглядовъ, запутанность мысли, частое отсутствіе логики... Прохоровъ какъ-то подѣтски задиралъ своихъ противниковъ и очень наивно имъ возражалъ. Читалъ онъ и говорилъ болѣе часу, сѣхавши подъ конецъ на пресловутый вопросъ о «Мономаховой шапкѣ», откуда никакъ не могъ выбраться...

Калачовъ, сидѣвшій среди насъ — слушателей, съ очень сконфуженнымъ видомъ, съумѣлъ однако уловить моментъ, когда Прохоровъ далъ себѣ минутную передышку, собираясь съ силами, чтобы обрушиться на кого-то изъ своихъ противниковъ... Калачовъ поспѣшно всталъ и объявилъ перерывъ засѣданія, къ немалому удивленію Прохорова, пытавшагося протестовать. Но его никто уже не слушалъ и онъ волею-неволею умолкъ, надѣясь снова выступить послѣ перерыва.

Но за перерывомъ Калачовъ пригласилъ публику выслушать рефератъ Майчика. Прохоровъ никакъ этого не ожидалъ и разобидился на Калачова...

За рефератомъ Д. М. Мейчика всѣ отдохнули. Калачовъ поднялъ голову, спокойно оглядывая собравшихся гостей... Онъ въ правѣ былъ гордиться, что первый дебютантъ — слушатель выступаетъ съ такимъ цѣннымъ докладомъ, который видимо заинтересовалъ всѣхъ гостей. Какъ слушатель, Мейчикъ не всходилъ на каѳедру, а читалъ сидя за столомъ, къ которому подсѣли теперь и гости, такъ какъ референтъ читалъ довольно тихо.

По окончаніи реферата («Дополнительныя данныя къ исторіи Уложенія» — см. въ III кн. «Сб. Арх. Ин.») И. Е. Андреевскій хорошо отнёсся новизну выводовъ работы Мейчика, къ которой отнесся съ полнымъ сочувствіемъ. Въ возникшихъ оживленныхъ преніяхъ о нѣкоторыхъ деталяхъ работы принимали участіе Калачовъ, Андреевскій, Н. В. Покровскій и нѣкоторые слушатели. Словомъ, успѣхъ былъ полный и — Калачовъ сіялъ...

Собраніе закончилось сообщеніемъ И. Г. Данилова о своихъ раскопкахъ, вызвавшимъ нѣкоторыя замѣчанія Калачова, Савваитова и др.

На ближайшей лекціи В. А. Прохоровъ жаловался слушателямъ, что ему «не дали договорить» и не открыли «преній» по его чтенію... Но тутъ же онъ самъ откровенно сознался, что вторая половина его чтенія, когда онъ доѣхалъ неожиданно до «шапки Мономаха», была «сущимъ винегретомъ», который онъ поднесъ намъ «слабо подготовившись»...

Вскорѣ послѣ публичнаго собранія слушатели (особенно Тимоаевъ и Яковлевъ) принялись за осуществленіе мысли объ устройствѣ въ институтѣ публичной выставки древностей, рукописей и пр., привлеки къ участію владѣльцевъ частныхъ коллекцій и торговцевъ-антикваріевъ. На первомъ собраніи по организаціи выставки былъ книгопродавецъ *Мартыновъ*, обѣщавшій дать на выставку свои книжныя рѣдкости и указавшій нѣсколькихъ владѣльцевъ древностей, на участіе которыхъ въ выставкѣ можно было разсчитывать.

Этимъ собраніемъ закончился II семестръ въ институтѣ.

VI.

Слушатели первого выпуска.

Остановимся нѣсколько на своихъ коллегахъ — *слушателяхъ* института. Всѣхъ насъ числилось 27 человѣкъ, но регулярно посѣщали институтъ только 15 — 17 слушателей. О послѣднихъ и буду говорить, такъ какъ остальные постепенно выбывали изъ института и первого выпуска не дождались.

Составъ постоянныхъ слушателей первого призыва и выпуска подобрался замѣчательно хорошо: это были люди, собравшіеся съ

одною цѣлью—поучиться тому дѣлу, за которое взялся институтъ. Никакихъ цѣлей карьеризма они не преслѣдовали. Большинство слушателей были люди съ опредѣленнымъ, установившимся положеніемъ, которое они и не думали мѣнять по окончаніи институтскаго курса на положеніе архивиста. Послѣдняго добивалось 3—4 слушателя, свободныхъ отъ службы во время пребыванія въ институтѣ. Но архивная служба и теперь не даетъ большихъ матеріальныхъ благъ, а 25 лѣтъ назадъ была еще хуже обставлена и съ грѣхомъ пополамъ могла только прокормить человѣка. Понятно, что не эта скромная перспектива влекла насъ въ институтъ, но стремленіе отдаться посильному служенію наукѣ.

Эта единственная цѣль крѣпко объединяла очень разношерстное общество слушателей. Большой интимности, какая развивается между учащимися въ другихъ школахъ, у насъ въ институтѣ не было, да и не могло быть въ виду большой разности въ возрастѣ, происхожденіи, положеніи, средствахъ жизни и т. д. Нельзя въ самомъ дѣлѣ ожидать интимныхъ товарищескихъ отношеній между гвардейскимъ ротмистромъ (*А. А. Мирза-Туанъ-Барановскій*, нынѣ покойный) и будущимъ іеромонахомъ—китайскимъ миссіонеромъ (*А. Н. Виноградовъ*), или между оберъ-секретаремъ сената и писцомъ контрольной палаты и т. п. Но если не было между нами полной интимности, за то общій тонъ товарищескихъ отношеній былъ очень высокій, вполне порядочный и достаточно дружный. Все разнообразіе нашихъ ранговъ, возрастовъ и пр. ступовывалось въ стѣнахъ института, да и за этими стѣнами, гдѣ бы ни приходилось намъ вмѣстѣ собираться и встрѣчаться. Служеніе подъ однимъ знаменемъ науки равняло всѣхъ и объединяло крѣпкими узами.

Конечно, многіе изъ насъ завязали въ институтѣ и навсегда сохранили истинно дружескія отношенія съ нѣкоторыми коллегами. Мнѣ напр. посчастливилось особенно сблизиться съ Дмитріемъ Петровичемъ *Лебедевымъ*, съ которымъ пришлось вмѣстѣ служить послѣ института въ Москвѣ, хотя въ разныхъ учрежденіяхъ: я поступилъ въ архивъ м-ва юстиціи, онъ въ Румянцевскій музей, гдѣ сначала былъ помощникомъ хранителя отдѣленія рукописей извѣстнаго археографа *А. Е. Викторова*, а послѣ его смерти занялъ его мѣсто. На этой должности Лебедевъ умеръ очень рано, къ глубокой скорби всѣхъ знавшихъ этого идеально-прекраснаго человѣка и глубокаго знатока археографіи, не успѣвшаго докончить многихъ задуманныхъ имъ и отчасти подготовленныхъ ра-

ботъ, о цѣнности которыхъ можно судить по изданнымъ имъ не многимъ трудамъ. Его капитальную работу послѣ института— «Собраніе историко-юридическихъ актовъ И. О. Бѣляева»—слѣдуетъ признать классическою въ русской археографіи.

Въ институтъ Лебедевъ поступилъ (послѣ недолгаго учительства въ реальномъ училищѣ г. Иваново-Вознесенска) съ отличною подготовкою въ археографіи, такъ что въ нашемъ первомъ выпускѣ это былъ лучший археографъ, познанія котораго цѣнилъ Калачовъ. Какъ очень скромный человѣкъ, Лебедевъ ни разу не выступалъ съ рефератами ни въ публичныхъ, ни въ частныхъ собраніяхъ института, хотя конечно могъ бы и тогда уже приготовить цѣлый рядъ цѣнныхъ сообщеній. Даже въ преніяхъ на частныхъ собраніяхъ онъ не любилъ участвовать и только разъ его «прорвало»: задѣтый за-живое незрѣлыми сужденіями кого-то изъ нашихъ коллегъ о русскомъ народномъ творествѣ (по поводу публичнаго собранія для выслушанія «сказителя» былинъ *В. П. Щеголенка* и доклада о немъ проф. *Ор. Миллера*), Лебедевъ разразился живою и умною рѣчью. Коллеги были поражены этимъ блестящимъ экспромптомъ, привыкши къ обычному молчанію Лебедева въ большихъ собраніяхъ товарищей. Но въ бесѣдахъ съ болѣе близкими товарищами онъ всегда былъ разговорчивъ, откровененъ, очень остроуменъ, временами даже рѣзокъ напр. въ сужденіяхъ объ институтскихъ недостаткахъ и пробѣлахъ. Не смотря на то, онъ былъ искренно привязанъ къ институту и пробылъ весь курсъ. Въ Петербургѣ онъ не имѣлъ службы, но въ средствахъ не нуждался.

Лебедева вообще мало знали въ институтѣ и первое мѣсто среди насъ занималъ—и по всей справедливости—Давидъ Марковичъ *Мейчикъ*. Еврей по происхожденію и религіи, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ вполне русскимъ человѣкомъ, такъ что даже своею спеціальностью (кандидатъ правъ московскаго университета) избралъ исторію русскаго права, въ области которой достигъ большой эрудиціи. Его изслѣдованіе, появившееся послѣ института—«Грамоты и акты XIV и XV вв.»—пользуется заслуженною репутаціею среди историковъ-юристовъ и археографовъ. Къ глубокому сожалѣнію, и ему пришлось слишкомъ рано прекратить свою ученую дѣятельность... Служба (послѣ института) въ московскомъ архивѣ м-ва юстиціи его не удовлетворяла. Онъ готовился къ приватъ-доцентурѣ на юридическомъ факультетѣ московскаго университета, но его еврейская религія закрыла ему эту дорогу... Онъ

не могъ пойти на компромиссъ съ своею совѣстью и предпочелъ отказаться отъ излюбленнаго дѣла, гдѣ его ожидали самые блестящіе успѣхи... Послѣ архивной службы онъ перешелъ въ институтъ присяжныхъ повѣренныхъ.

Этотъ фактъ достаточно обрисовываетъ высоко-нравственную личность и цѣльность натуры Д. М. Мейчика. Такимъ же мы знали его и въ институтѣ. Если между нами были лица, не встрѣчавшія раньше съ «русскими Моисеева закона», то въ лицѣ Мейчика они знакомились съ однимъ изъ лучшихъ представителей ихъ. Въ институтѣ это былъ идеальный «слушатель», весь проникнутый одной идеей служенія институту во всевозможныхъ видахъ и со всѣхъ сторонъ.. Сознаніе долга предъ институтомъ и преслѣдованіе цѣлей его всегда стояли у Мейчика на первомъ планѣ. Съ этой стороны онъ старался вліять и, дѣйствительно, благотворно вліялъ на товарищей. Никто изъ насъ не былъ такъ близокъ къ Калачову, какъ Мейчикъ, но эта близость, носившая характеръ дружескихъ отношеній, всегда преслѣдовала только интересы института. Являясь нерѣдко посредникомъ между нами и Калачовымъ, Мейчикъ всегда былъ прекраснымъ товарищемъ, оказывавшимъ коллегамъ серьезныя услуги.

Всѣ «новенькіе» слушатели, чувствовавшіе себя на первыхъ порахъ неловко среди новаго общества, сохраняли навсегда благодарныя воспоминанія какъ о Мейчикѣ, такъ и двухъ другихъ старшихъ (по времени поступленія) товарищахъ — о Евгении Матвѣевичѣ *Тимаевѣ* и Павлѣ Силычѣ *Яковлевѣ*, которые принимали всѣ мѣры и въ самой деликатной формѣ, чтобы новичекъ поскорѣ освоился съ кружкомъ товарищей и втянулся въ его интересы. Послѣдніе двое считали это какъ бы своею миссіею, которую выполняли очень сердечно, всегда достигая цѣли. Они всегда первые знакомились съ новичкомъ, посвящали его въ текущіе институтскіе интересы, втягивали въ разныя комиссіи, привлекали къ общимъ работамъ и т. п. Они были самыми усердными посѣтителями всѣхъ лекцій и собраній, участниками всѣхъ комиссій и вообще всегда находились въ курсѣ институтской жизни.

Довольно усердными слушателями были почтенные чиновники синода и сената А. В. *Гавриловъ* и И. Г. *Даниловъ*. Не смотря на ихъ значительный рангъ (оберъ-секретари), они были добрыми и милыми товарищами. Такими же товарищескими отношеніями отличались и наши воины — пожилой подполковникъ А. Н. *Шим-*

кинъ и молодой ротмистръ *А. А. Туганъ - Мирза - Барановскій* и другіе слушатели: *Р. И. Доброхотовъ*, *А. А. Благовѣщенскій* (воспитатель военной гимназіи, позже помощникъ секретаря Академіи Художествъ, нынѣ покойный), *К. А. Шапошниковъ* и *М. Е. Чевскій*. Остальные слушатели—*П. Е. Ваденюкъ*, *А. Н. Виноградовъ* и *С. В. Арсеневъ* — держались нѣсколько въ сторонѣ отъ большинства товарищей.

Всѣ эти слушатели (Барановскій и Доброхотовъ, какъ окончившіе курсъ среднихъ учебныхъ заведеній, считались «вольными слушателями») поступили въ институтъ въ I и II семестрахъ. Съ III семестра прибавился еще одинъ слушатель—*Я. И. Зарницкій* (учитель петербургской семинаріи), также окончившій институтскій курсъ съ нашимъ первымъ выпускомъ. Составъ послѣдняго сильно колебался, доходилъ къ концу 1878 г. до 27 человѣкъ, но вѣрными институту до конца остались только перечисленные 17 человѣкъ (со мною), выпущенные въ началѣ 1880 года.

Настоящими слушателями, не связанными никакою службою и постоянными сторонними занятіями, были: Лебедевъ, Мейчикъ, Виноградовъ и я. Но Лебедевъ не нуждался въ заработкѣ, Мейчикъ и Виноградовъ получали институтскія степендіи (первый 600 р., второй 300 р.) и только я находился въ неопредѣленномъ матеріальномъ положеніи, живя на помощь отъ родныхъ, да на кое-какой литературный заработокъ. Помню свой первый гонораръ, полученный отъ *П. В. Полежаева* за статью («Арсеній Елассонскій») въ его «Историч. Библіотекѣ»: онъ заплатилъ всего 50 р., по 10 р. за листъ...

VII.

Третій семестръ.

Перехожу къ нашему *третьему семестру* (январь—май 1879 г.). Онъ начался интересной экскурсіей въ архивъ Государственнаго Совѣта (въ старомъ его помѣщеніи—въ сенатскомъ зданіи), по приглашенію тамошняго архивиста и нашего слушателя *Р. И. Доброхотова*. Къ сожалѣнію, не всѣ знали о назначенной экскурсіи (шли рождественскіе праздники), и насъ собралось съ Калачовымъ всего 7 человѣкъ.

На осмотръ архива ушло около 3 часовъ, пробѣжавшихъ незамѣтно подъ руководствомъ такихъ знатоковъ дѣла, какъ Калачовъ и Доброхотовъ. Способы храненія дѣлъ, системы описей и инвентарей, пользованіе документами и др. вопросы архивовѣднія обстоятельно и наглядно были рассмотрѣны нами при поучительныхъ демонстраціяхъ Романа Ивановича. Онъ приготовилъ для предстоящей выставки въ институтѣ прекрасную коллекцію карточекъ разныхъ системъ для храненія дѣлъ, передвижную витрину для карточекъ инвентарнаго каталога и др. архивныя принадлежности, выставленныя пока въ архивѣ и заслужившія полное одобреніе Калачова. По просьбѣ послѣдняго, Р. И. показалъ намъ разные рѣдкости архива—бумаги Сперанскаго и др., старинные инструменты для клейменія преступниковъ и пр.

Мы разошлись, отъ души поблагодаривъ какъ радушнаго Р. И—ча, такъ и Н. В. — инициатора экскурсіи, общавшаго показать намъ и другіе архивы. Къ сожалѣнію, при своей разнообразной дѣятельности, онъ не удосужился исполнить свое обѣщаніе и мы за весь курсъ осмотрѣли только одинъ архивъ... Институтскій архивъ еще зарождался, и мы оставались безъ всякихъ почти практическихъ занятій по архивовѣднію. Калачовъ отлично сознавалъ, что читаемый имъ (съ III семестра) теоретическій курсъ архивовѣднія мало принесетъ пользы безъ практическихъ занятій въ архивѣ. Но въ первые годы онъ не могъ ничего сдѣлать въ этомъ отношеніи.

Мы знали, что институтъ дѣлаетъ еще первые шаги, когда нельзя быть требовательнымъ и когда слѣдуетъ быть благодарнымъ и за то немногое, что онъ могъ тогда дать. Калачовъ никогда не скрывалъ отъ насъ всѣхъ пробѣловъ и недостатковъ институтскаго образованія и всегда взывалъ къ нашей самостоятельности. И мы по мѣрѣ силъ старались сами хотя отчасти восполнить институтскіе пробѣлы.

Памятно въ этомъ отношеніи одно наше частное собраніе въ началѣ III семестра. Появившійся въ началѣ засѣданія Калачовъ скоро исчезъ по какимъ-то экстреннымъ дѣламъ и роль предсѣдателя выпала П. С. Яковлеву, очень умѣло руководившему собраніемъ. Прежде всего онъ сдѣлалъ собственное предложеніе по вопросу, — какъ восполнить программу института при отсутствіи лекторовъ по многимъ каеэдрамъ? Развивая призывъ Калачова къ нашей самостоятельности, Яковлевъ совѣтовалъ прибѣгнуть къ помощи товарищей: каждый слушатель, спеціально изучающій

какую-либо отрасль истории и прикосновенных къ ней знаній, долженъ передать коллегамъ свою спеціальность. Какъ естество-никъ, Яковлевъ предложилъ подѣлиться съ нами своими знаніями по антропологии и геологии.

Это симпатичное предложеніе горячо поддержалъ *Е. М. Тимаевъ*, кандидатъ восточнаго факультета, общавшій познакомить насъ въ общихъ чертахъ съ восточными шрифтами, знаніе которыхъ такъ необходимо для нумизматики. Остальные коллеги сочувственно отнеслись къ этому плану, но по російской нерѣшительности колебались объявить себя специалистами въ излюбленныхъ областяхъ знаній и выступать предъ товарищами въ роли лекторовъ. Только по этой причинѣ планъ Яковлева не былъ осуществленъ вполне, но частичное выполненіе его наблюдалось постоянно, то въ формѣ бесѣдъ съ товарищами, то въ видѣ рефератовъ на частныхъ и публичныхъ собраніяхъ. Нельзя опять не упомянуть добрымъ словомъ уважаемыхъ Тимаева и Яковлева, охотнѣе другихъ дѣлившихся съ нами своими спеціальными знаніями именно въ формѣ товарищескихъ бесѣдъ.

На томъ же частномъ собраніи много было дебатовъ по предложенію «комиссіи объ изданіи Уложенія» о привлеченіи новыхъ силъ къ этой грандіозной работѣ, которая сначала привлекла многихъ участниковъ, а теперь велась только Мейчикомъ, Ваденюкомъ и Тимаевымъ. Многие коллеги благоразумно совѣтовали сократить грандіозные размѣры задуманнаго изданія и тѣмъ болѣе, что приближался намѣченный срокъ выхода—нашъ I выпускъ. Но Мейчику, главному дѣятелю комиссіи, не хотѣлось отказаться отъ широко задуманнаго плана, и онъ настаивалъ на полномъ выполненіи его.

Стали собирать новыя силы, но многіе (Лебедевъ, Доброхотовъ и др.) отказались примкнуть къ этой работѣ, считая себя бесполезными дѣятелями въ совершенно чуждой имъ области знанія. Всего комиссія привлекла 4 новыхъ работниковъ. Однако, послѣдствія показали, что и съ этою помощью дѣло нисколько не подвинулось впередъ, и изданіе «Уложенія» не состоялось ни къ нашему выпуску, ни позже...

Наше частное собраніе (о которомъ рассказываю) закончилось обсужденіемъ адреса г. *Лерху*, съ выраженіемъ благодарности за подаренную имъ институту коллекцію каменныхъ орудій (въ копіяхъ). Не помню, кто составлялъ адресъ, но многимъ онъ не понравился за сухость изложенія: «мало-де чувства»... Чтобы разу-

бѣдить въ этомъ, И. Г. Даниловъ прочиталъ тотъ же «сухой» адресъ съ такимъ паѳосомъ, что всѣ... расхохотались и одобрили адресъ...

Остальные частныя собранія начала семестра были посвящены исключительно археологической *выставкѣ*, подготовлявшейся ко дню годовичнаго акта, но затѣмъ отложенной. Въ председатели комиссіи по устройству выставки навязался В. А. Прохоровъ, хотя онъ больше мѣшалъ дѣлу, а дѣйствительными руководителями были Тимаевъ, Яковлевъ и секретарь института А. П. Ясенскій, дѣятельными же ихъ помощниками — Туганъ-Барановскій, Доброхотовъ, Виноградовъ и др. На первомъ собраніи Яковлевъ доложилъ о коллекціяхъ, предложенныхъ на выставку частными лицами (всего больше Прохоровымъ), нѣкоторыми антикварными магазинами и слушателями: Доброхотовъ предложилъ архивныя принадлежности, Барановскій древнее оружіе, Тимаевъ разныя древности и пр.

Нѣкоторыя засѣданія выставочной комиссіи происходили подъ председательствомъ Калачова, постаравшагося умѣрить стремленіе Прохорова къ «украшенію» стѣнъ института своими рисунками древностей. Прохоровъ, собиравшійся «украсить» рѣшительно всѣ стѣны всѣхъ институтскихъ помѣщеній до передней включительно, былъ очень огорченъ несогласіемъ на то Калачова. Особенно то возмущало Прохорова, что онъ уже наклеилъ массу рисунковъ на картоны и «не мало на то потратился»... По Калачовъ справедливо не довѣрялъ вкусу Прохорова и тому пришлось ограничиться выставкою нѣсколькихъ предметовъ и очень немногихъ рисунковъ.

Ко дню акта была приготовлена небольшая часть выставки, а полное открытіе ея отнесено на конецъ января. До акта лекціи не начинались и никакихъ другихъ занятій у насъ не было, кромѣ подготовки выставки.

VIII.

Годичный актъ института и выставка.

Первый годовичный *актъ* института состоялся 21 января 1879 г. Собирались устроить его 15 января—день открытія института, но это число приходилось въ будни. Благодаря воскресному дню, 21 числа собралось до 120 человѣкъ, приглашенныхъ особыми

билетами (объявленій въ газетахъ не было). Большинство принадлежало къ ученому міру, но были и нѣкоторые представители администраціи—товарищи министровъ: народнаго просвѣщенія кн. *Ширинскій-Шихматовъ*, путей сообщенія *Н. Н. Селифонтовъ* (почетный членъ института), юстиціи и др., было нѣсколько дамъ и пр. Институтъ явился въ полномъ составѣ профессоровъ, членовъ и слушателей. Почти всѣ слушатели были во фракахъ и мундирахъ, многіе съ «кавалеріей» скромныхъ степеней. Особенно блистали наши воины — *Шинкинъ* съ жирными эполетами и *Туганъ-Барановскій* въ мундирѣ какого-то гвардейскаго кавалерійскаго полка.

Въ залѣ были поставлены два шкафа съ древностями, стѣны увѣшаны археологическими рисунками, у каѳедры висѣлъ щитъ съ древнимъ оружіемъ изъ коллекціи Тарновскаго. Въ музеѣ всѣ шкафы и витрины наполнены вещами. Въ библіотекѣ на столахъ разложены рукописи, архивная коллекція Доброхотова, рѣдкія иллюстрированныя изданія по археологіи и пр. Публика осматривала эти зародыши будущей выставки, выслушивая объясненія *Тимаева*, *Яковлева*, *Барановскаго*, *Ваденюка* и др. слушателей.

Актъ открылся рѣчью *Калачова*, содержащую обстоятельный отчетъ о дѣятельности института за первый годъ существованія. Говорилъ онъ больше часу, но публика не скучала, такъ какъ это былъ не сухой отчетъ, но умѣло составленные и живые очерки институтской жизни. Правда, эту жизнь онъ рисовалъ въ нѣсколько приподнятомъ тонѣ, сгущая всѣ свѣтлыя краски, но онъ не скрылъ и очень многихъ недостатковъ института, даже упомянулъ о „при-скорбной исторіи“ ухода профессоровъ *Сергѣевича*, *Срезневскаго* и др. (см. выше). Много онъ говорилъ о будущихъ работахъ института, не умаляя и сдѣланныхъ доселѣ. Закончилъ онъ выраженіемъ надежды, что институтъ, живущій теперь и очень скудно на частныя средства, современемъ сдѣлается правительственнымъ учрежденіемъ, а пока просилъ общество о поддержкѣ института... *Николай Васильевичъ* сошелъ съ каѳедры подъ громомъ рукоплесканій, вполнѣ заслуженныхъ имъ, какъ инициаторомъ и «душою» института.

Затѣмъ *Н. В. Покровскій*, какъ ученый секретарь института, прочиталъ офиціальный отчетъ за 1878 г. Его также наградили рукоплесканіями.

За нимъ буквально вскочилъ на каѳедру нашъ новый профессоръ *Иванъ Ефимовичъ Андреевскій* и — «запѣлъ, защелкалъ»...

Кто хотя разъ слышалъ этого талантливаго профессора и блестящаго оратора, тотъ никогда не забудетъ его лекцій и импровизаций, всегда глубоко-содержательныхъ и красивыхъ по выполнению. На первый разъ онъ поражалъ своей интонаціей какъ бы иностранца, странной, не русской манерой выговаривать слова, ставить ударенія и пр. Но ко всѣмъ этимъ оригинальностямъ рѣчи скоро привыкалось и на первый планъ выступало захватывающее, увлекательное содержаніе его рѣчей. Особенно привлекало его всегдашнее стремленіе и большое умѣнье ввести въ сухое изложеніе научнаго предмета прикосновенныя къ нему живыя темы текущей жизни. Это былъ не педантъ, гордящійся отрѣшенностью своей науки отъ жизни, но живой человѣкъ, не понимающій науки, не связанной органически съ жизнью. Жизнь была ключемъ въ Ив. Еф—чѣ, чутко отзывавшемся на всѣ ея запросы и требованія.

Такимъ былъ И. Е. и у насъ въ институтѣ... Его рѣчь на актѣ была собственно вступительною лекціей по курсу исторіи русскаго «полицейскаго права». Казалось, что эта область интересуетъ не многихъ, но И. Е. съ первыхъ же словъ привлекъ полное вниманіе всей залы, когда заговорилъ на тему о дружной, совмѣстной работѣ правительства и общества, какая постоянно имѣла мѣсто въ нашей прошлой исторіи, хотя и тогда встрѣчались «печальные моменты» взаимной розни, непониманія общности интересовъ, отчужденности... Обрисовавши значеніе стариннаго «земства» и его благотворное участіе въ правительственной дѣятельности, преимущественно въ сферѣ полицейскаго права, ораторъ перешелъ къ вопросу—почему онъ открываетъ свой курсъ въ археологическомъ институтѣ?—Въ области исторіи полицейскаго права существуетъ много еще незаполненныхъ пробѣловъ и темныхъ вопросовъ, настоятельно ждущихъ разрѣшенія. Того и другого онъ ждетъ отъ будущихъ «ученыхъ архивистовъ», для приготовленія которыхъ открыть институтъ по «великой мысли» Калачова... Сочувственнымъ и искреннимъ отзывомъ о дѣятельности послѣдняго И. Е. закончилъ свою рѣчь, награжденную очень дружными и продолжительными аплодисментами.

Публика разошлась подъ впечатлѣніемъ этой живой рѣчи, унося, кажется, надлежащее понятіе объ институтѣ. Калачовъ былъ доволенъ произведеннымъ впечатлѣніемъ, высказаннымъ ему многими именитыми посѣтителями.

Чтобы поддержать въ обществѣ зарождавшійся интересъ къ институту, Калачовъ заторопился съ устройствомъ выставки, за

которую мы принялись ретиво послѣ акта. На другой же день Калачовъ, объявивши намъ, что будетъ хлопотать предъ министромъ о награжденіи медалями лучшихъ работъ слушателей, перешелъ къ обсужденію разныхъ вопросовъ по выставкѣ. Рѣшено завести дежурныхъ слушателей, обязанныхъ давать объясненія публикѣ. На эту роль согласились Тимаевъ, Яковлевъ, Лебедевъ (по отдѣлу рукописей), Барановскій, Доброхотовъ, Ваденюкъ и др. Предлагали сдѣлать публикацію въ газетахъ, но Калачовъ не рѣшился такъ рекламировать выставку и согласился на помѣщеніе извѣстія о ней въ отдѣлѣ хроники (въ «Петерб. Вѣдомостяхъ» и др.).

Окончательнымъ устройствомъ выставки завѣдывала та же коммиссія слушателей, съ Е. М. Тимаевымъ во главѣ. Наканунѣ открытія онъ просилъ товарищей придти вечеромъ помочь ему. Многіе пообѣщали, но я засталъ только Тимаева и Мейчика, да позже подошелъ В. А. Прохоровъ, обремененный 5 большими папками съ рисунками древностей. Онъ говорилъ, что у него 80 такихъ папокъ и всѣ снимки будто бы его работы... Но намъ не мало было хлопотъ и съ 5 папками: не хитрое дѣло отобрать изъ нихъ что поинтереснѣе, но всему мѣшала самъ Прохоровъ, пускавшійся при каждомъ рисункѣ въ длинныя и туманныя объясненія, воспоминанія, въ полемику съ противниками и т. п. При этомъ онъ постоянно на кого-то и на что-то жаловался, плакался, что его «не цѣнятъ и не понимаютъ», хотя онъ «такъ много потрудился» для археологии... Слушая эти безконечныя іереміады, нашъ почтенный институтскій стражъ *Осинъ*, привлеченный нами къ работѣ, мѣтко прозвалъ Прохорова «плаксою»... Въ самый разгаръ работы «плакса» вдругъ хватился своего «лучшаго карандаша» и, не найдя его, заставилъ всѣхъ насъ потратить полчаса на поиски злосчастнаго карандаша... Наконецъ, онъ былъ найденъ и водворенъ на свое мѣсто, а мы въ награду выслушали цѣлую біографію этого карандаша... Раздосадованный этою болтовнею, Мейчикъ ушелъ въ 11 ч., а мы дотянули до 1 ч. ночи, кое-что сдѣлавши для завтрашней выставки, какъ ни мѣшала намъ «плакса».

На открытіи выставки (28 января) я не былъ, но слышалъ, что посѣтителей было довольно, и они внимательно выслушивали даваемые объясненія. Кромѣ слушателей, за послѣднія взялся и Прохоровъ, но по обыкновенію застрялъ надъ первою же таблицею рисунковъ и дальше не двинулся... Явился доброволецъ изъ

публики—какой-то грекъ, дававший очень толковыя объясненія по нумизматикѣ. Прибавилась коллекція древностей кievскаго археолога Турвонта Венедиктовича *Кибальчича*, позже избраннаго въ почетные члены института и ставшаго въ довольно близкія къ нему отношенія.

Выставка длилась нѣсколько дней, посѣщаемая публикою довольно усердно. Появлялись иногда группы учащихся—гимназистокъ, кадетовъ и др.

Великимъ постомъ снова была возобновлена выставка, подъ предлогомъ прибавленія новыхъ коллекцій (кн. *Путятина* и др.), но на этотъ разъ публика уже слабо собиралась и выставку скоро закрыли. Во всякомъ случаѣ выставка сослужила немалую службу: и слушателей познакомила со многими, отдѣлами археологіи, и къ институту привлекла вниманіе общества, и многихъ полезныхъ институту лицъ сблизила съ нимъ довольно крѣпко.

IX.

Новые профессора и курсы.

Перехожу къ лекціямъ третьяго семестра, когда прибавилось два новыхъ профессора—*И. Е. Андреевскій* и *Лукіанъ Миллеръ* (профессоръ историко-филологическаго института), читавшій намъ «латинскую палеографію».

О лекціяхъ *И. Е.* по исторіи русскаго полицейскаго права слѣдуетъ сказать тоже, что замѣчено объ его актовой рѣчи: всѣ его лекціи были глубоки по содержанію и увлекательны по изложенію. Они происходили по понедѣльникамъ и собирали всего болѣе слушателей, вмѣстѣ съ которыми всегда присутствовалъ и *Калачовъ*.

Лекціи *И. Е.* особенно были полезны для слушателей не юристовъ, такъ какъ онъ не ограничивался узко однимъ своимъ предметомъ, но дѣлалъ постоянные экскурсы въ другія области права. Для будущихъ архивистовъ очень цѣнны были его частыя указанія на существующіе въ наукѣ пробѣлы, восполненіе которыхъ ожидалось отъ насъ. На каждомъ почти шагу онъ давалъ намъ готовыя и всегда глубокія темы для архивныхъ розысканій и изслѣдованій. Онъ отлично понималъ задачу института дать «уче-ныхъ архивистовъ» и умѣло приноровилъ свой курсъ именно къ этой задачѣ.

Помимо прямого своего значенія, увлекательныя чтенія И. Е. поражали присущею имъ жизненностію и рѣдкимъ искусствомъ связывать изложеніе научнаго предмета съ текущими злобами дня. Разумѣется, всѣ его экскурсы въ современную жизнь всегда органически вытекали изъ положеній читаемой имъ науки и никогда не были притянуты за волоса, въ родѣ того напр. московскаго профессора исторіи русскаго права, который однажды позабылъ захватить свои листки съ лекціями и, опасаясь тронуться въ путь безъ этого багажа, прочиталъ своимъ невзыскательнымъ слушателямъ лекцію... о Китаѣ, благо въ то время шла китайско-японская война и газеты были полны статьями о Китаѣ.

Вообще, всѣ лекціи Андреевскаго (въ двухъ семестрахъ онъ прочиталъ 21 лекцію) были полны свѣтлыхъ взглядовъ, глубокаго пониманія нашей прошлой и современной жизни, блестящаго остроумія и высокой ироніи... Съ особенною любовью и знаніемъ предмета онъ распространялся о «земскомъ строѣ» XVII вѣка, такъ что его курсъ въ сущности былъ исторіей «земства» въ самомъ широкомъ смыслѣ этого понятія.

Неловко переходить отъ этого талантливаго профессора къ такому «профессору», какъ Лукіанъ Миллеръ (покойный)... Не знаю, какими путями онъ очутился въ институтъ, и не понимаю, какъ могъ Калачовъ взять его, не разузнавши хорошенько. Можетъ быть въ историко-филологическомъ институтѣ Миллеръ былъ на своемъ мѣстѣ, но у насъ онъ былъ совсѣмъ не ко двору.

Разумѣется, у Калачова были оправданія: нашъ институтъ такъ былъ скуденъ преподавателями, что не мудрено было ухватиться и за Миллера, тѣмъ болѣе, что онъ являлся для насъ единственнымъ представителемъ одной изъ главныхъ институтскихъ кафедръ — «палеографіи», правда всего только латинской, а не русскою. Но вѣдь общія начала одинаковы во всякой палеографіи, а латинская и спеціально намъ нужна — для польскихъ, малорусскихъ и бѣлорусскихъ архивовъ, гдѣ хранится масса латинскихъ актовъ. Было обидно, что ни одинъ изъ тогдашнихъ петербургскихъ столповъ русской палеографіи не вошелъ въ институтъ, но на безрыбьи пришлось и Миллеромъ довольствоваться...

Былъ онъ «изъ выѣзжихъ нѣмецъ» и по русски «еле-еле брель». Конечно, это была еще небольшая бѣда, она даже послужила намъ хорошую службу, невольно возбуждая веселость и такимъ образомъ оживляя аудиторію при трактованіи тяжелаго

палеографическаго матеріала... Если бы кто взошелъ на эти «лекціи», онъ былъ бы пораженъ веселыми, возбужденными лицами слушателей, раскрасѣвшимися отъ усилій сдержатъ смѣхъ, готовый каждую минуту вырваться наружу у смѣшливыхъ натуръ, не переваривавшихъ невозможнаго выговора и страшнаго коверканья русской рѣчи Миллеромъ... Туповатый нѣмецъ, съ его грузною, топорною фигурою, торжественно возсѣдалъ на кафедрѣ, погруженный въ лежащую предъ нимъ книгу и, не замѣчая возбужденія слушателей, продолжалъ отпускать свои смѣхотворныя словечки... Припоминаются, напр., такіе перлы русской рѣчи Миллера: «синяя чернила служила для укрощенія (вмѣсто — украшенія) рукописей», — «древніе для письма употребляли дрова» (т. е. деревянные дощечки), — «средневѣчные писаря» (т. е. писатели, которыхъ онъ также называлъ «писаками»), — «чернилице» (чернильница) и т. д.

Разумѣется, съ этимъ недостаткомъ можно было бы легко примириться, если бы лекціи Миллера были содержательны и представляли что нибудь свое, самостоятельное. Но у него ровно ничего своего не было: не мудрствуя лукаво, онъ взялъ хорошее руководство по римской палеографіи Гейдельбергскаго профессора Ваттенбаха и — буквально переводилъ его намъ на свое подобіе русской рѣчи. Нужно отдать Миллеру честь, что онъ совсѣмъ не маскировалъ своего источника, къ чему обыкновенно прибѣгаютъ подобные «профессора». Онъ приносилъ Ваттенбаха, раскрывалъ книгу на кафедрѣ и начиналъ диктовать: «Ваттенбахъ, страница 161 и слѣдующія: параграфъ 6—о занятіяхъ средневѣчныхъ писарей» и т. д., слово въ слово, даже съ указаніями на знаки препинанія. Словомъ, это былъ добросовѣстнѣйшій диктантъ для приготовительнаго класса... На первыхъ лекціяхъ Миллеръ повторялъ каждую фразу по два раза и больше, варьируя ее всячески, съ цѣлью лучше выразиться, но обыкновенно варіантъ всегда оказывался много хуже первоначальнаго выраженія. Калачовъ останавливалъ его, совѣтуя не повторяться, но упрямый нѣмецъ долго продолжалъ по-своему, пока не замѣтилъ, что почти всѣ слушатели бросили записывать за нимъ, а нѣкоторые достали Ваттенбаха и по немъ слѣдили за диктантомъ профессора. Большинство бросило ходить на его лекціи, и Миллеръ бывалъ счастливъ, когда его аудиторія доходила до состава въ 5—6 слушателей...

Для кого же были нужны эти грамматическія упражненія Миллера въ русской рѣчи?!.. Только развѣ для самого Миллера,

получившаго притомъ за 21 лекцію гонораръ въ 500 руб. А что касается слушателей, то вѣдь большинство хорошо знало нѣмецкій языкъ и свободно читало Ваттенбаха. Для не знающихъ же могъ переводить Ваттенбаха на нашихъ частныхъ собраніяхъ кто либо изъ слушателей. Несомнѣнно, этотъ переводъ былъ бы лучше Миллеровскаго и дѣло пошло бы скорѣе.

Конечно, Калачовъ скоро понялъ, какую ошибку онъ сдѣлалъ, пригласивши въ институтъ кѣмъ-то подсунутаго Миллера. Но по своей мягкости Калачовъ долго не могъ отдѣлаться отъ цѣпкаго нѣмца, продолжавшаго диктовать въ институтѣ Ваттенбаха.

Калачовъ читалъ въ III семестрѣ курсъ «*Архивовѣдѣнія*» — центральный предметъ институтской программы. Первая его лекція совпала съ однимъ архивнымъ событіемъ, волновавшимъ въ то время историческіе кружки. Послѣ лекціи Н. В-чъ, очень взволнованный и возмущенный, сообщилъ слушателямъ только что полученное имъ письмо извѣстнаго историка Ивана Егоровича *Забѣлина*, который писалъ, что лишенъ возможности закончить на половину уже готовый III томъ своего обширнаго труда «Домашній бытъ царей», такъ какъ *Г. В. Есиповъ*, завѣдующій московскимъ дворцовымъ архивомъ, запретилъ ему собирать матеріалы въ этомъ архивѣ, собираясь самъ заняться ими...

Калачовъ громилъ такое самодурство Есипова, благодаря которому пропадала цѣнная работа... Мы — слушатели были поражены возможностью такихъ безобразныхъ явленій въ ученомъ мірѣ... Мы не подозрѣвали, что нѣкоторымъ изъ насъ придется въ будущемъ столкнуться на архивномъ поприщѣ съ болѣе наглыми самодурами, въ сравненіи съ которыми Есиповъ еще былъ сносенъ...

Разумѣется, Калачовъ только въ частныхъ бесѣдахъ, послѣ лекцій, знакомилъ насъ съ закулисными сторонами архивной жизни, а на лекціяхъ онъ академически излагалъ свой курсъ архивовѣдѣнія, гдѣ являлся глубокимъ знатокомъ дѣла, сильно ему полюбившагося. Въ теоретическомъ изложеніи предмета онъ былъ положительнымъ новаторомъ, не имѣвшимъ предшественниковъ: никакихъ руководствъ, никакихъ «Ваттенбаховъ» у него не было... Онъ самъ собиралъ всѣ матеріалы для своего курса, самъ обрабатывалъ ихъ и подносилъ намъ въ отдѣланномъ видѣ.

Если не ошибаюсь, записокъ у него не было, а только подробный конспектъ. Признавая свой курсъ далеко не закончен-

нымъ и не вполне еще обработаннымъ, онъ не согласился на нашу просьбу, чтобы лекціи записывала стенографистка и чтобы онъ были изданы для институтскаго употребленія. Нельзя не пожалѣть, что намъ не удалось сломить этотъ чрезчуръ скромный взглядъ Н. В-ча на свой курсъ. Конечно, мы усердно записывали его лекціи, но не дѣлали сводки своихъ записей и послѣднія были лишь слабою тѣнью Калачовскихъ лекцій, полныхъ громадной эрудиціи и здравыхъ взглядовъ на дѣло, не хитрое въ своей сущности, но затемняемое людьми невѣжественными и неопытными ..

Свой курсъ архивовѣдѣнія Калачовъ началъ съ исторіи русскихъ архивовъ, затѣмъ перешелъ къ теоріи архивнаго дѣла и литературѣ предмета. Особенно обстоятельно онъ говорилъ о разныхъ видахъ «ученыхъ описей» и «обозрѣній». О канцелярскихъ «инвентаряхъ» упоминалось, разумѣется, только мимоходомъ...

Этой части архивовѣдѣнія Калачовъ отдалъ 6 лекцій, а съ 7-й перешелъ къ подробному обзорѣ старинныхъ актовъ всевозможныхъ родовъ и видовъ, съ какими приходится имѣть дѣло архивисту. Это были блестящіе опредѣленія и цѣнныя характеристики документовъ, сдѣланныя глубокимъ знатокомъ дѣла. Но это не были отвлеченныя опредѣленія письменныхъ актовъ, оторванныхъ отъ жизни: въ характеристикахъ Калачова каждый актъ органически былъ связанъ съ тѣми жизненными условіями, среди которыхъ онъ зарождался и дѣйствовалъ. Словомъ, онъ давалъ намъ не только характеристики актовъ, но и картины жизни учреждений и сословій, интересы которыхъ акты обслуживали. Такой планъ лекцій былъ хорошо задуманъ и блестяще выполненъ.

Въ 17 лекціяхъ III и IV семестровъ Калачовъ сдѣлалъ детальную оцѣнку всѣхъ старинныхъ и болѣе новыхъ актовъ по XVIII вѣку включительно. Съ особенною любовью онъ останавливался надъ «земскими» и «мірскими» актами, которые онъ спеціально собиралъ (уцѣлѣла-ли эта рѣдкая коллекція и гдѣ она находится послѣ его смерти?..). Свою послѣднюю, 23 лекцію, Н. В.—чъ закончилъ призывомъ слушателей заняться изученіемъ архивныхъ матеріаловъ, рисующихъ жизнь и значеніе крестьянскихъ и другихъ «міровъ». Онъ держался взгляда, что «крестьянскій міръ и теперь еще живъ и силенъ, не смотря на удары, наносившіеся ему крѣпостнымъ правомъ и наносимые доселѣ бюрократіей»... Въ прогрессирующее направленіе сельскихъ общинъ онъ безусловно вѣрилъ.

Н. В. Покровский продолжалъ въ III и IV семестрахъ курсъ

русской церковной археологіи. Особенно обстоятельно (въ 20 лекціяхъ) онъ остановился на иконографіи. На его лекціи всѣ собирались охотно и съ удовольствіемъ слушали талантливаго лектора, умѣвшаго заинтересовать даже людей равнодушныхъ къ церковнымъ древностямъ. Въ его курсѣ неизмѣнно чувствовалась самостоятельная работа мысли, не любившей слѣдовать чужимъ шаблонамъ и общеизвѣстнымъ «руководствамъ».

Х.

Публичныя собранія.

Кромѣ 4 профессоровъ, читавшихъ намъ постоянные курсы, въ III семестрѣ появлялись еще отдѣльные лекторы, случайно приглашенные и прочитавшіе нѣсколько лекцій на разные темы.

Архитекторъ *Маевскій* прочелъ одну лекцію объ устройствѣ европейскихъ архивовъ, библиотекъ и музеевъ. Чтеніе было интересное, такъ какъ лекторъ говорилъ о лично осматрѣнныхъ имъ архивахъ и проч. въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Венеціи, Мюнхенѣ и др. Лекція, привлекая кромѣ насъ и многихъ архитекторовъ, сопровождалась демонстраціей массы чертежей, подареннымъ затѣмъ *Маевскимъ* институту! Всего лучше отозвался лекторъ объ устройствѣ «Национальнаго архива» въ Парижѣ.

Большой интересъ для насъ представляли лекціи *Н. И. Саввантова* и *Д. И. Прозоровскаго* о древне-русской метрологіи, и *П. Н. Петрова* о русской генеалогіи. Любопытны были лекціи *Т. В. Кибальчича* по южнорусской археологіи и этнологіи. Эти 4 лектора прочитали каждый по 2 лекціи. Была еще «лекція» *В. А. Прохорова* — «взглядъ и нѣчто» объ археологіи... Но она представляла интересъ курьеза и имѣла увеселительное значеніе...

Всѣ эти лекціи читались на вечернихъ «публичныхъ собраніяхъ», кромѣ лекціи *Маевского*, прочитанной днемъ и специально для слушателей и архитекторовъ. На остальные же лекціи, соединенныя съ чтеніемъ рефератовъ, собирались вообще желающіе изъ публики.

На первомъ собраніи читали *Кибальчичъ* о доисторическихъ памятникахъ Кіева и *Петровъ* о значеніи, методахъ и источникахъ русской генеалогіи. Послѣднее чтеніе сопровождалось большими преніями, вызванными нѣкоторыми частностями его. Особенно всѣхъ заинтересовало утвержденіе лектора, что многіе именитые роды

ложно ведутъ све происхождение отъ Рюриковичей и Гедиминовичей, къ которымъ принадлежать въ дѣйствительности многіе захудалые роды. Онъ также доказывалъ, что большинство дворянскихъ родовъ, ведущихъ свое происхождение «изъ пруссъ», «изъ нѣмцевъ» и т. п. — въ дѣйствительности чистокровные русскіе роды, преимущественно новгородскіе, перебѣжавшіе въ Москву и изъ политическихъ видовъ скрывавшіе свое происхождение.

Противъ послѣдняго положенія горячо возражалъ И. Е. Андреевскій. По этому и другимъ вопросамъ говорили еще Калачовъ, многіе гости и нѣкоторые слушатели. Всѣ дружно нападали на лектора, но никому не удалось сломить этого фанатика своихъ убѣжденій и глубокаго знатока предмета. Петровъ просто поражалъ своими генеалогическими знаніями. Масса именъ и годовъ, родственныя отношенія сотенъ лицъ въ самыхъ отдаленныхъ степеняхъ, ихъ общественное положеніе и пр. — для всякаго дѣло темное, запутанное, сбивчивое, но для него все было тутъ ясно какъ день и все въ порядкѣ укладывалось въ его большой головѣ. Говорилъ онъ ясно, толково, горячо, нерѣдко очень красиво, и всегда съ убѣжденіемъ и знаніемъ предмета. Онъ производилъ пріятное впечатлѣніе искренностью и горячностью тона. Съ нимъ можно было спорить, не соглашаться, но нельзя было не уважать самостоятельности и стойкости его взглядовъ и громадной эрудиціи. Самая внѣшность его была своеобразная: небольшого роста, коренастый, съ очень крупною головою, обрамленную копною волосъ, спускавшихся до плечъ, съ выразительнымъ лицомъ и задумчивыми большими глазами.

На слѣдующемъ публичномъ собраніи (3 марта) происходилъ второй дебютъ В. А. Прохорова въ роли лектора. Въ виду неудачи перваго его дебюта принимались разныя экстраординарныя мѣры... Калачовъ предупредилъ Прохорова (какъ жаловался послѣдній слушателямъ), что онъ будетъ читать, «если останется время и во всякомъ случаѣ не болѣе получаса»...

Прохоровъ читалъ на этотъ разъ о византійской архитектурѣ. Несомнѣнно, онъ обладалъ нѣкоторыми знаніями въ области древняго искусства, но они были навалены въ его головѣ въ безпорядочной кучѣ, безъ всякой системы и безъ общаго освѣщенія научными положеніями. П. Н. Петровъ очень мѣтко сравнилъ Прохорова съ «раешникомъ», который вываливаетъ публикѣ свои картины, приговаривая: «эта царь... эта царица»... и т. д. Прибавьте еще сюда рѣзкій, но мало основательный «критицизмъ» Прохорова

ко всему, что не имъ открыто, изслѣдовано, издано... Изложеніе его было неуклюжее, тяжелое, поражавшее безчисленными повтореніями и многими странностями и логическими, и грамматическими.

Не удивительно, что жалкое чтеніе Прохорова закончилось при гробовомъ молчаніи публики, всегда очень щедрой на аплодисменты лекторамъ. Оппоненты сильно пощипали бѣднаго В. А... Вслѣдъ за Н. В. Покровскимъ, возражавшимъ сдержанно и видимо шадившимъ старика, съ большою яростью обрушился на него П. Н. Петровъ. Онъ просто издѣвался надъ лекторомъ, приставая къ нему съ самыми ученическими вопросами: что онъ разумѣетъ подъ «искусствомъ», подъ «античнымъ»?.. и т. п. В. А. больше отмалчивался, яростно поглядывая на ненавистнаго ему Петрова, или отдѣлывался безсодержательными фразами, показывавшими, что онъ даже не понимаетъ возраженій оппонента. Петрову это наконецъ надоѣло и онъ устѣлся, безнадежно махнувъ рукой на В. А. Калачовъ поспѣшилъ объявить перерывъ, спасая Прохорова отъ другихъ оппонентовъ.

Во время перерыва Петровъ отвелъ душу, подсѣвши къ кружку слушателей. Онъ жестоко отзывался о «рабѣ Божіи Василіѣ»... о его громадной коллекціи рисунковъ и чертежей древностей. Петровъ замѣтилъ, что вся она — работа не самого В. А., какъ тотъ увѣрялъ, а учениковъ академіи художествъ, даромъ работавшихъ на Прохорова... Особенно Петровъ издѣвался надъ тѣмъ, что В. А. не въ силахъ составить описи музея христіанскихъ древностей въ академіи, хранителемъ котораго онъ состоитъ, а довольствуется самымъ примитивнымъ инвентаремъ въ такомъ родѣ: «10 Благовѣщеніевъ», «20 Введеніевъ» и т. п.

Послѣ перерыва читалъ *П. И. Савваитовъ* о древне-русскомъ счетѣ. Говорилъ онъ хорошо, съ большимъ знаніемъ дѣла, но слишкомъ кратко для неподготовленной публики. Сухую матерію лекціи онъ умѣло оживлялъ довольно остроумными шутками, но иногда впадалъ въ стариковскую развязность, неудобную въ публичномъ собраніи... Среди самыхъ серьезныхъ розысканій по метрологіи, онъ вдругъ прорывался анекдотомъ о какомъ-то московскомъ протопопѣ, укравшемъ какую-то древнюю пелену и т. п. Но въ общемъ онъ производилъ очень милое впечатлѣніе своею симпатичною личностью и старческимъ добродушіемъ. Онъ закончилъ чтеніе теплыми словами о «высокомъ значеніи» нашего института, за что ему очень усердно аплодировали.

Публичное собраніе 6 марта было не многолюдное. Кромѣ чтенія *П. Н. Петрова* по генеалогіи, были назначены два реферата слушателей—*Д. М. Мейчика* «Слѣды древняго судопроизводства въ Уложеніи» и *А. А. Туганъ-Барановскаго* «О древне-русскомъ вооруженіи». Послѣдній, однако, былъ отложенъ, а рефератъ Мейчика прошелъ отлично и въ возникшихъ преніяхъ референтъ умѣло защищался противъ возраженій *И. Е. Андреевскаго*, *А. О. Бычкова* и др.

Также немногочисленно было и слѣдующее собраніе (14 апрѣля), когда *Т. В. Кибальчичъ* читалъ на весеннюю тему—«о русалкахъ», затѣмъ, при оставшейся почти исключительно «своей» публикѣ, происходилъ дебютъ новаго институтскаго лектора *Д. И. Прозоровскаго*. Съ слѣдующаго года онъ сибирался начать у насъ систематическій курсъ древне-русской метрологіи, а теперь выступалъ какъ бы съ пробной лекціей, предметомъ которой взялъ очеркъ древней общей метрологіи, какъ введеніе въ русскую метрологію.

Дебютъ вышелъ очень жалкій... Несомнѣнно, *Д. И.* былъ большой знатокъ метрологіи и былъ уже извѣстенъ многими цѣнными работами по этой специальности, но онъ положительно не умѣлъ говорить вслѣдствіе своей страшной застѣнчивости. На бѣду онъ не составилъ записи своей лекціи (а писалъ онъ какъ слѣдуетъ) и ограничился однимъ конспектомъ, который плохо помогать ему.

Больно было смотрѣть на его высокую тощую фигуру, съ изможденнымъ лицомъ, когда онъ уставился въ свои листки, думалъ—думалъ что-то про себя, наконецъ разрѣшился неожиданнымъ обращеніемъ къ Калачову:

— Начните... вмѣсто меня... вы...

Н. В. растерялся и наивно посоветовалъ лектору:

— Начните какъ нибудь...

Д. И. собрался съ духомъ и началъ... Онъ старался дать общія понятія о своемъ предметѣ, но выражался такъ туманно, что никто ничего не понималъ. Войдя въ спеціальныя подробности, онъ нѣсколько разошелся и сталъ говорить чуточку свободнѣе, но и тутъ много путался, не находя выраженій и дѣлая долги, томительныя паузы.

Публика съ удивленіемъ переглядывалась... Горячій, увлекающійся *П. Н. Петровъ* сначала только фыркалъ гнѣвно, но потомъ не выдержалъ и сталъ громко высказывать свои замѣчанія, прерывая чтеніе *Прозоровскаго*. Калачовъ остановилъ *Петрова*, предлагая отложить возраженія до окончанія чтенія. Его поддер-

жалъ слушатель П. С. Яковлевъ, говоря, что перерывы Петрова мѣшаютъ записыванью чтенія, чѣмъ были заняты нѣкоторые слушатели.

Петрова передернуло вмѣшательство Яковлева и позже онъ съ нимъ сдѣлился за то, но теперь утихъ...

Еле-еле дотянувши до конца, Прозоровскій обратился къ Калачову съ наивной просьбой:

— Прошу... преній... не нужно... не возбуждайте...

Но пренія уже были начаты Петровымъ и Н. В. не могъ отказать ему въ словѣ.

Петровъ сейчасъ же вскочилъ и понесся въ жестокую атаку на Прозоровскаго... Бѣдный Д. И. упорно молчалъ, или говорилъ что-то про себя, чего не слышали и сосѣди. На защиту его выступилъ слушатель Ваденюкъ, такой же горячій и не сдержанный, какъ Петровъ. Въ схватку стали входить другіе, болѣе спокойные борцы—Кибальчичъ, Мейчикъ, Тимаевъ и др., защищавшіе Прозоровскаго. Поднялся всеобщій говоръ, всѣ перебивали другъ друга, никого не слушая и толкуя каждый свое. Энергичные звонки Калачова заглушались громкимъ говоромъ публики, разбившейся на кружки.

О чемъ именно спорили — трудно было бы формулировать обстоятельно, но споръ вертѣлся около имени Прозоровскаго: одни доказывали несостоятельность его чтенія, другіе опровергали это... А самъ виновникъ этой бури молча сидѣлъ, уткнувшись въ свои бумажки, и, вѣроятно, ничего не слышалъ изъ рѣчей своихъ оппонентовъ и защитниковъ, но хорошо сознавалъ, что споръ идетъ о немъ... Положеніе единственное въ своемъ родѣ!

Наблюдая за Д. И., я замѣтилъ, какъ онъ неразъ бросалъ робкіе взгляды на дверь залы, какъ бы измѣряя разстояніе до нея. Очевидно у него было поползновеніе удрать въ эту дверь и скрыться отъ Петрова, пристававшего къ нему съ неугомонными запросами, на которые у Д. И. не было сейчасъ отвѣтовъ... Но Д. И. побоялся обратиться въ бѣгство, чувствуя, что Петровъ способенъ на все: пожалуй, побѣжить за Д. И. и удержать за полу его длиннаго сюртука... И сидѣлъ бѣдный Д. И., какъ пригвожденный, мучительно прислушиваясь къ говору залы и безпомощно оглядываясь по сторонамъ... Всѣ, кромѣ Петрова, его забыли, хотя всѣ о немъ говорили и спорили...

Калачову, наконецъ, удалось объявить засѣданіе закрытымъ. Н. В. поспѣшилъ всячески успокоить въ концѣ переконфу-

женнаго Д. И., на что Калачовъ былъ такой мастеръ, и взялъ съ него слово, что онъ теперь прочтетъ слушателямъ еще одну лекцію, а съ будущаго года начнетъ полный курсъ метрологіи.

Дѣйствительно, второе чтеніе Прозоровскаго, спеціально для однихъ слушателей, состоялось и прошло гораздо удачнѣе, а съ слѣдующаго года Д. И. сдѣлался постояннымъ институтскимъ лекторомъ и оставался имъ почти до самой смерти. Лекціи свои онъ хорошо подготовлялъ, читая по тетрадкѣ. Онъ скоро освоился съ своимъ положеніемъ и довольно близко сошелся съ слушателями. Только онъ никакъ не рѣшался читать въ большой залѣ, гдѣ такъ неудачно дебютировалъ, а всегда читалъ въ библіотекѣ.

Въ лицѣ Прозоровскаго институтъ приобрѣлъ очень полезнаго лектора по крайне трудному предмету, специалисты котораго наперечетъ, а среди нихъ Д. И. занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Калачовъ и институтъ, въ лицѣ слушателей, обнаружили большое чутье, когда не придали значенія случайной неудачѣ перваго дебюта Дм. Ив-ча, поддержали его и втянули въ составъ лекторовъ. Д. И. за это отплатилъ сторицею и крѣпко привязался къ институту.

За то П. Н. Петровъ рѣшительно отвернулся отъ института послѣ бурнаго собранія 14 апрѣля. Онъ не могъ переварить, что въ лицѣ слушателей встрѣтилъ такихъ энергичныхъ оппонентовъ, отстаивавшихъ несимпатичнаго ему Прозоровскаго. Петровъ читалъ еще разъ въ институтѣ, на публичномъ собраніи 23 апрѣля, когда онъ сдѣлалъ юбилейное сообщеніе о Екатеринѣ II, а слушатель Туганъ-Барановскій читалъ о древне-русскомъ вооруженіи. Но свой курсъ генеалогіи Петровъ къ сожалѣнію прекратилъ и почти пересталъ показываться въ институтѣ. Разумѣется, это была немалая потеря, такъ какъ Петровъ былъ отличный знатокъ генеалогіи, предмета очень полезнаго для архивистовъ, котораго мы такъ и не дослушали.

Послѣднее публичное собраніе происходило 7 мая — совсѣмъ въ мертвомъ сезонѣ. Небольшое сообщеніе сдѣлалъ Д. М. Мейчикъ (объ одномъ рѣдкомъ актѣ изъ собранія кн. Путятина), а затѣмъ было второе и послѣднее чтеніе П. И. Савваитова о древне-русской «счетной мудрости». Былъ еще пообщанъ третій дебютъ В. А. Прохорову... Онъ-то и подбилъ Савваитова на чтеніе, иначе собраніе не состоялось бы. Прохоровъ говорилъ слушателямъ, что теперь онъ «основательно подготовился», собираясь дать генеральное сраженіе своимъ «врагамъ»... Увы! оно не состоялось, такъ какъ никто не повѣрилъ въ эту «подготовку». Сначала проис-

ходило засѣданіе совѣта, съ которымъ не спѣшили, затѣмъ чтенія Мейчика и Савваитова, а въ концѣ—любезное обращеніе Калачова:

— Извините, В. Ал-чъ!.. уже поздно... до слѣдующаго семестра!..

В. А. былъ страшно взбѣшенъ и долго дулся на Калачова. Но къ слѣдующему семестру онъ поостылъ и снова сталъ ухаживать за Калачовымъ и институтомъ, попрежнему мечтая о лабрахъ институтскаго лектора, никакъ ему не дававшихся...

XI.

Окончаніе третьяго семестра.

Конецъ III семестра былъ очень тяжелъ для нѣкоторыхъ слушателей, торопившихся покончить свои институтскія работы, чтобы сдать ихъ Калачову до каникулъ. Для меня, какъ и для другихъ, эти работы были связаны съ вопросомъ о стипендіи — очень существеннымъ въ нашемъ положеніи. Отказъ въ стипендіи былъ равносильнъ необходимости если не разорвать совсѣмъ съ институтомъ, то значительно ослабить связи съ нимъ, занявшись постороннею службою ради куска хлѣба.

Между тѣмъ, моя работа надъ полоцкою картою XVI в. очень разрослась, и я хотѣлъ сначала ограничиться однимъ изслѣдованіемъ о матеріалахъ для карты, откладывая составленіе послѣдней на будущее время. Но Калачовъ, какъ инициаторъ нашихъ картографическихъ опытовъ, былъ недоволенъ, что отъ насъ не было доселѣ видимыхъ результатовъ, кромѣ маленькой карты Е. М. Тимаева (см. выше). Поэтому Н. В. рѣшительно настаивалъ, чтобы моя карта была готова теперь же, давая понять, что только тогда я могу рассчитывать на степендію...

Пришлось съ половины марта устѣться за карту. При самой усиленной работѣ, въ очень неблагоприятныхъ условіяхъ моей квартиры, въ началѣ мая я окончилъ и карту, и объяснительную записку къ ней. При такой спѣшкѣ работа носила характеръ черновой, а самая карта отличалась топорностью работы, которую потомъ типографія сгладила.

29 апрѣля Калачовъ пригласилъ слушателей собраться въ институтъ, чтобы «поисповѣдать» на счетъ нашихъ работъ. Собралось до 20 слушателей, большинство которыхъ дало надлежащіе отчеты о ходѣ своихъ разнообразныхъ работъ. Но у нѣкоторыхъ не оказывалось за душою ровно никакихъ ученыхъ грѣховъ и они

были въ большемъ затрудненіи... Волею-неволею подполковникъ Шишкинъ и еще 3—4 человекъ почувствовали вдругъ неодолимое влеченіе къ юриспруденціи и объявили себя членами «комиссіи по Уложенію»... Одинъ изъ слушателей—метеоровъ, скоро исчезнувшій съ институтскаго горизонта, пять минутъ поговорилъ со мною о моей картѣ и—объявилъ себя картографомъ...

На другой день я подаль Н. В—чу карту и половину объяснительной записки. Черезъ нѣсколько дней, подавая ему продолженіе записки, спрашиваю:

— Читали работу?

— Еще не внимательно, началъ только... Вотъ какъ бы вамъ стипендію назначить... А потомъ можно будетъ напечатать вашу записку, какъ руководство для составленія картъ...

7 мая происходило засѣданіе совѣта, на которомъ Н. В. сдѣлалъ обстоятельный докладъ о моей работѣ и показалъ карту. Нѣкоторыя замѣчанія относительно ея внѣшности сдѣлалъ А. О. Бычковъ и др. Стипендія назначена мнѣ по 25 руб. въ мѣсяць, съ апрѣля.

Встрѣчаю Н. В—ча послѣ засѣданія совѣта.

Онъ сообщаетъ:

— Вотъ мы назначили вамъ стипендію...

— Благодарю васъ...

— У меня къ вамъ есть одно предложеніе: не хотите-ли проѣхаться съ нами въ Лужскій уѣздъ, для раскопки кургановъ?.. Это дѣло не мѣшаетъ знать архивисту...

— Но я ровно ничего не знаю въ этомъ дѣлѣ...

— Успѣете подготовиться... Мы поѣдемъ черезъ мѣсяць...

Хотя доселѣ мнѣ не приходилось грѣшить по археологіи, къ которой не чувствовалъ ни малѣйшаго влеченія, но я зналъ, что мѣсяца за глаза достаточно для превращенія круглаго невѣжды въ изряднаго «кургановѣда»... Я охотно далъ согласіе на любезное приглашеніе Н. В—ча. Кромѣ меня, участіе въ экспедиціи было еще предложено Е. М. Тимаеву и И. Г. Данилову.

Покончивши съ картой, тотчасъ засѣлъ за подготовку къ археологической экспедиціи, занимаясь въ Публичной, Калачовской и институтской библіотекахъ. Помимо изученія теоріи кургановѣднія, я принялся за розыски литературы по исторіи, исторической географіи и археологіи Лужскаго и Гдовскаго уѣздовъ СПбургской губерніи. Послѣдняя работа потребовала немалой возни, но не дала большихъ результатовъ и, вмѣсто предполагаемой записки по

исторіи и археологіи намѣченной мѣстности, пришлось за скудостью матеріаловъ ограничиться библіографическимъ обзоромъ литературы предмета.

Для изученія же теоріи археологическихъ раскопокъ Калачовъ хотѣлъ обратиться за помощью къ извѣстному библіографу *В. И. Межову*, которому послалъ такое письмо:

«М. Г. Владиміръ Измайлловичъ! Занимаясь въ настоящее время съ слушателями Археологическаго института собраніемъ изслѣдованій о курганахъ и ихъ раскопкахъ, обращаюсь къ вамъ съ покорнѣйшей просьбою указать одному изъ слушателей — г. Оглоблину на такого рода изслѣдованія, которыя конечно вамъ лучше извѣстны, чѣмъ всякому другому. Этимъ вы оказали бы институту большое одолженіе. Примите и пр. *Н. Калачовъ*».

Но за отъѣздомъ Межова изъ города пришлось отказаться отъ его содѣйствія и обратиться къ самостоятельнымъ поискамъ въ бібліотекахъ. Коллеги указали мнѣ только «инструкцію» проф. *Самоковасова*, помѣщенную въ его пресловутой «Исторіи русскаго права» (въ параграфѣ II главы III) и изданную отдѣльно. Но эта инструкция оказалась наборомъ случайныхъ, отрывочныхъ указаній, частію бесполезныхъ, частію же даже опасныхъ для новичковъ, которыхъ приемы и совѣты Самоковасова могутъ натолкнуть на очень рискованныя дѣйствія, идущія въ разрѣзъ съ самыми примитивными научными требованіями...

Пришлось отложить въ сторону какъ эту странную «инструкцію», такъ и «Инструкцію, составленную III археологическимъ съѣздомъ», куда вошли почти всѣ статьи первой инструкции. Гораздо научнѣе и полезнѣе оказался рядъ практическихъ совѣтовъ въ предисловіи *П. С. Савельева* къ «Извѣстіямъ о курганахъ и городищахъ» и въ другихъ работахъ серьезныхъ археологовъ.

Я составилъ сводную инструкцію, основой которой послужили нѣкоторыя статьи инструкции съѣзда и указанія Савельева, съ дополненіями изъ работъ гг. А. С. Уварова, П. Брока, проф. А. Н. Богданова, проф. Л. К. Ивановскаго, К. Герца, А. Гатцука и др. Сожалѣю, что у меня не сохранилось этой сводной инструкции и я лишенъ возможности вполне возстановить то впечатлѣніе, какое получилось тогда отъ изученія инструкции Самоковасова. Но и теперь, даже при бѣгломъ чтеніи ея, бросаются въ глаза многія несообразности. Такъ, по инструкции Самоковасова вся задача «археолога» сводится только къ возможно скорѣйшему извлеченію изъ кургана могущихъ тамъ встрѣтиться предметовъ... Поэтому-то,

при вскрытіи «пробныхъ кургановъ» Самоквасовъ допускаетъ не одну послонную съемку земли, обязательно въ этомъ случаѣ предписываемую серьезными археологами, но и остальные извѣстные ему способы—траншею и колодець... Кромѣ этихъ трехъ способовъ раскопки кургановъ, Самоквасовъ не знаетъ никакихъ другихъ, хотя ихъ существуетъ множество—раскопка террасами, соединеніе траншеи съ колодецомъ, крестообразныя траншеи, вырѣзки угломъ и пр. и пр. Но всѣхъ перловъ инструкціи Самоквасова не перечсть.

Разумѣется, я долженъ быть благодаренъ г. Самоквасову, что его грубокопательская инструкція побудила меня обстоятельнѣе познакомиться съ новою областью знаній, не бесполезныхъ для историка... Въ одномъ со мною положеніи оказался новый (съ весны 1879 г.) слушатель, приглашенный Калачовымъ къ участию въ экспедиціи—*И. Н. Феноменовъ*, юристъ по образованію. Изъ остальныхъ участниковъ одинъ *Е. М. Тимаевъ* былъ опытнымъ археологомъ, а у *И. Г. Данилова* была уже нѣкоторая практика въ раскопкахъ. Что касается Калачова, то онъ не скрывалъ своего диллетантизма въ археологіи и въ экспедицію отправился не въ качествѣ руководящаго лица, а чтобы «поучиться» новому дѣлу...

Въ маѣ и началѣ іюня состоялось нѣсколько частныхъ совѣщаній членовъ экспедиціи и общихъ засѣданій «комиссіи археологической экспедиціи», какъ сейчасъ же окрестилъ Калачовъ нашу группу. На первомъ же майскомъ засѣданіи было рѣшено, что Даниловъ сдѣлаетъ предварительную рекогносцировку намѣченной мѣстности. Но только на засѣданіи 1 іюня мы «напутствовали» Данилова, отправлявшагося на ст. Плюссу, Варшавской жел. дороги. Этотъ пунктъ, намѣченный Даниловымъ, не былъ одобренъ Калачовымъ, который посоветовалъ сдѣлать поиски подальше отъ желѣзной дороги.

На томъ же засѣданіи Тимаевъ сдѣлалъ неожиданное заявленіе, что кн. *Путятинъ* приглашаетъ институтъ въ свое имѣніе около ст. Бологое, Валдайскаго у., на раскопки кургановъ и городищъ. Калачовъ принялъ приглашеніе и началъ колебаться—стоитъ-ли предпринимать нашу экспедицію?.. Однако, Данилова благословили на развѣдки и просили писать поскорѣе.

7 іюня мы собрались въ институтъ, рассчитывая получить письмо Данилова, но оно не пришло и засѣданіе ограничилось тѣмъ, что Калачовъ прочелъ намъ «инструкцію» Самоквасова и сдѣлалъ много дѣльныхъ замѣчаній на разныя статьи ея. Особенно

жестоко онъ напалъ на разглагольствія Самоквасова относительно раскопокъ городищъ, критикуя вообще «теорію» его о происхожденіи и значеніи городищъ.

ХІІ.

Первая археологическая экспедиція института.

(9—13 іюня 1879 г.).

На другой день получаю записку А. П. Ясенскаго, извѣщавшаго, что «завтра (9 іюня, суббота), въ $\frac{1}{2}$ 2-го—въ походъ»!.. Оказалось, что было получено письмо отъ Данилова, намѣтившаго курганы и жальники въ Узменской волости, Гдовскаго у. Поѣздка же къ кн. Путятину отложена до осени.

9 іюня Калачовъ и мы трое—Тимаевъ, Феноменовъ и я—собрались на Варшавскомъ вокзалѣ и заняли купе 2 класса (поѣздка предпринята на средства института).

Въ 7 ч. вечера высадились на ст. Плюсса, гдѣ ждали насъ экипажи, посланные Даниловымъ; Калачовъ усѣлся съ Тимаевымъ, я съ Феноменовымъ.

Однообразная и ровная въ началѣ мѣстность стала интереснѣе, когда мы приблизились къ р. Черной, черезъ которую не разъ переправлялись въ бродѣ, и вступили въ предѣлы бывшей Шелонской «пятины» Новгородской «земли».

Въ сумерки проѣхали дер. Законье и погостъ Посолодино, не разсмотрѣвши за темнотою ни жальника около первой, ни пещеръ подлѣ Посолодинской церкви.

Въ 11-мъ часу прибыли въ дер. Зеленскъ, гдѣ насъ встрѣтилъ И. Г. Даниловъ и проводилъ въ усадьбу г-жи Жариновой, у которой былъ приготовленъ намъ ночлегъ.

На другой день Н. В. разбудилъ насъ въ 6 ч. На дворѣ было пасмурно, вѣтрено, холодно. За чаемъ Н. В. очень усердно угощалъ насъ купленными имъ «шведскими галетами», необычайно прочными, страшно безвкусными и очень... выгодными, такъ какъ всѣ, разъ попробовавши ихъ, обязательно отъ нихъ отказывались, полагая, что Калачовъ по недоразумѣнію купилъ «конскія галеты»... Они вернулись въ Питеръ и съ тѣмъ же успѣхомъ фигурировали во 2-й институтской экспедиціи...

Изъ Зеленска мы выѣхали въ 9 ч. у. Въ тарантасѣ помѣ-

стились Калачовъ, Тимаевъ и Феноменовъ, а мы съ Даниловымъ въ телѣжкѣ.

Не смотря на холодную погоду и грязную дорогу, нельзя было не любоваться живописными видами, развертывавшимися на каждомъ шагу. Мѣстность очень волнистая, переходившая нерѣдко въ значительныя возвышенности. Обиліе озеръ и рѣкъ, крупныя горы, глубокія долины, большіе лѣса,—все дѣлаетъ этотъ край похожимъ, по словамъ Калачова, на Саксонскую Швейцарію, но въ миниатюрѣ.

Съ первыми памятниками древности мы встрѣтились около большаго оз. *Битина*, лежащаго въ красивыхъ, довольно высокыхъ берегахъ, покрытыхъ крупнымъ лѣсомъ. У самой дороги нашъ кучеръ Евстафій, потѣшный старикъ и большой балагуръ, указалъ намъ «могилу великановъ», какъ называютъ мѣстные жители. Это былъ длинный, прямой валъ, очевидно остатки городища. На опушкѣ лѣса, ближе къ сзеру, расположены сопки и жальникъ, а въ лѣсу старое христіанское кладбище, на нѣкоторыхъ могилахъ котораго сохранились каменные кресты небольшихъ размѣровъ, своеобразной формы и грубой отдѣлки (одинъ крестъ взять для институтскаго музея).

За оз. Битинымъ мы скоро въѣхали въ *Гдовскій* уѣздъ и двинулись по почтовой дорогѣ среди очень красивой мѣстности. Особенно живописна долина р. Дряжны, окаймленная довольно значительными высотами, изрѣзанными оврагами и покрытыми лѣсомъ.

Около полудня прибыли въ дер. *Дряжну* и напросились на гостепріимство въ усадьбѣ г-жи *А. Н. Стефановичъ*. Оставивши здѣсь багажъ, поѣхали въ дер. *Полицы*, договорили тамъ рабочихъ и двинулись на мѣсто раскопокъ—на урочище «*Хотовскій Боръ*» (въ полверстѣ отъ деревни), очень богатое курганами: кромѣ обширнаго жальника (болѣе 100 могилъ), на немъ находятся двѣ группы сопокъ—*Межницкая* (10 сопокъ) и группа съ валомъ (7 сопокъ), да еще одинокая, очень крупная сопка при въѣздѣ на возвышенное, окруженное лѣсами плато «*Бора*» отъ дер. *Полицы*.

Не смотря на начавшійся дождь, мы пѣшкомъ обошли всѣ группы, осмотрѣли ихъ и описали. Я набросалъ кроки всего урочища и каждой группы кургановъ отдѣльно. Изъ двухъ группъ сопокъ рѣшили остановиться на группѣ съ валомъ, какъ болѣе древней, судя по валу—остатку городища.

За одну сопку взялись Н. В. съ Даниловымъ, за другую мы трое. Руководителемъ у насъ былъ Е. М. Тимаевъ, ведшій дѣло по всѣмъ правиламъ искусства. Пока мы съ Феноменовымъ измѣряли курганъ и описывали его внѣшность, Е. М. сдѣлалъ «пробную яму», затѣмъ приступилъ къ раскопкѣ «угломъ» (въ виду большихъ размѣровъ сопки), предполагая перейти ниже къ траншеѣ, затѣмъ къ колодцу въ центрѣ.

Но не успѣли мы снять половину угла, какъ является къ намъ Н. В. и предлагаетъ бросить эту группу и перейти къ жальнику, такъ какъ они съ Даниловымъ ничего не нашли въ своей сопкѣ, а потому-де предполагають, что и наша сопка ничего не дастъ... Мы подивились, что они такъ быстро раздѣлались съ своей сопкой и такъ увѣренно пророчествуютъ о нашей... Тимаевъ энергично протестовалъ противъ прекращенія нашей раскопки, замѣтивши, что мы еще не дошли до материка и уже встрѣтили признаки погребенія—угольный слой, каменные стрѣлы (очень примитивной отдѣлки) и жженные кости. Но Калачовъ упорно стоялъ на своемъ, что продолженіе нашей раскопки будетъ «напрасною тратою времени», такъ какъ «здѣсь нечего разсчитывать на находку вещей».

Пришлось уступить ему, какъ ни больно было намъ, что нашъ первый археологическій блинъ вышелъ комомъ... Съ сожалѣніемъ мы бросили незаконченное дѣло и пошли на зовъ коллегъ, уже засѣдавшихъ за «обѣдомъ», принесеннымъ отъ старосты дер. Полицы, приславшимъ яйца, жареную курицу и молоко, да изъ припасовъ Калачова явились сыръ и пресловутыя «конскія» галеты, упорно фигурировавшія передъ нами, но нисколько не убывавшія въ количествѣ...

Кругомъ расположилась публика изъ дер. Полицы, внимательно слѣдившая за ѣдою сенатора и его сотрудниковъ. О сенаторствѣ Калачова какъ-то провѣдалъ нашъ шустрый возница Евстафій, старавшійся внушить крестьянамъ побольше уваженія къ «высокой особѣ», хотя эта особа держала себя до крайности просто и ничѣмъ не обнаруживала своего высокаго званія.

Подкрѣпившись, мы перешли и переѣхали къ жальнику, гдѣ тотчасъ принялись за работу, не смотря на дождь. Н. В. самъ намѣтилъ могилы, указавши намъ троимъ по одной, а себѣ и Данилову взялъ нѣсколько штукъ...

За первую самостоятельную раскопку я принялся не безъ нѣкотораго волненія, вызваннаго и новизною дѣла, и неизвѣстностью

результатовъ раскопки, которые всегда интригуютъ археолога, хотя не всегда вознаграждаютъ его труды. Съ матеріальной точки зрѣнія наши раскопки перваго дня были довольно плачевны: найдены 2—3 мелкія вещицы—кольца и т. п. Но кое-какіе научные результаты уже получились: вездѣ открыты костяки и опредѣлены приемы мѣстнаго погребенія. Многіе черепа взяты для институтскаго музея (подробности см. въ отчетѣ экспедиціи, въ III кн. институтскаго «Сборника»).

Хорошо помню жуткое впечатлѣніе, когда мнѣ пришлось въ первый разъ спуститься въ вырытый колодезь могилы и, удаливши рабочихъ, приняться за очистку костяка... Колодезь довольно глубокой и внизу было очень душно, тѣмъ болѣе, что края могилы облѣпила публика, тревожно слѣдившая за работою, еще не виданною въ этой мѣстности. Вдобавокъ пошелъ сильнѣйшій дождь, внизу стало мокро, сыро, потоки воды текли сверху и особенно съ зонтика Калачова, прибѣжавшаго посмотреть на ходъ моей работы. Изъ любезности онъ ухитрился держать зонтикъ надо мною, нисколько не защищая меня отъ дождя, а напротивъ усердно поливая бѣгущими съ зонтика ручьями воды... Въ довершеніе всѣхъ напастей, купленные нами инструменты для ручной очистки земли—какія-то садовыя лопаточки—оказались совсѣмъ непригодными и были замѣнены собственными руками. Скверно было сначала копать руками около костей въ томъ прахѣ, который нѣкогда былъ чѣмъ-то живымъ, одухотвореннымъ... Но въ дальнѣйшей практикѣ раскопокъ скоро втянулся въ это дѣло и пересталъ испытывать прежнюю безгливость...

Въ 8 ч. вечера мы пошатались и, порядкомъ измученные, мокрые, грязные, вернулись въ усадьбу г-жи Стефановичъ. Оправившись въ отведенномъ намъ мезонинѣ, провели вечеръ у гостепріимной хозяйки.

11 іюня, въ 8 ч. у. мы поѣхали въ дер. Полицы, гдѣ снова наняли рабочихъ и заказали старостѣ горячій обѣдъ. Погода снова была пасмурная.

На томъ же жалыникѣ Хотовскаго Бора мнѣ и Феноменову пришлось сначала взять лопаты въ руки и снимать землю въ сопкѣ Тимаева, такъ какъ явившіеся въ небольшомъ количествѣ рабочіе были разобраны Н. В.—мъ и Даниловымъ, которые по вечерашнему сразу «закладывали» по 2—3 могилы и метались между ними не безъ усердія... Когда подошли новые рабочіе, мы съ Феноменовымъ принялись за самостоятельныя раскопки.

На этотъ разъ я самъ выбралъ могилу покрупнѣе, содержаніе которой оказалось очень интереснымъ и довольно рѣдкимъ, заинтересовавшимъ даже рабочихъ: найдены два костяка—мужской и женскій, причемъ въ черепѣ послѣдняго оказались два пролома—на темени и вискѣ. Очевидно, жена была убита и похоронена съ умершимъ мужемъ...

Во 2-мъ часу дождь прогналъ насъ въ дер. Полицы. Изба у старосты была очень чистая, большая, свѣтлая и мы пожалѣли, что не остановились здѣсь для ночлеговъ. Староста (изъ питерцевъ) устроилъ намъ обѣдъ на славу—изъ 8 блюдовъ, главнымъ образомъ изъ куръ и форели, очень вкусной и крупной, которою славится р. Дряжна.

Въ 4 часу дождь сталъ ослабѣвать и мы поѣхали на Хотовскій Боръ, гдѣ спѣшно принялись за работу, которую нужно было покончить обязательно къ вечеру. Я выбралъ могилу покрупнѣе, имѣя сосѣдомъ Н. В—ча, вскрывавшаго сразу три могилы... Только что у меня стали обнаруживаться признаки погребенія, какъ Н. В—чу дали знать, что у Феноменова оказалась «масса вещей». Н. В. побѣжалъ туда, поручивши мнѣ наблюдать за его тремя могилами... Понятно, я остановилъ работу какъ у себя, такъ и въ 2 порученныхъ могилахъ, ограничившись наблюдениемъ за ходомъ раскопки въ одной могилѣ Н. В—ча.

Возвращается Н. В. и съ волнениемъ рассказываетъ о «богатыхъ» находкахъ Феноменова (5—6 вещицъ), видимо завидуя его счастью... Я поднесъ Н. В—чу найденную въ его могилѣ пуговицу и доложилъ о ходѣ работы, хотя докладъ былъ совершенно излишенъ: никакого «журнала раскопокъ» Н. В. не велъ и ровно ничего не записывалъ, предоставляя это Данилову, который однако и самъ былъ заваленъ работою, вскрывая также по 2—3 могилы сразу, да и не всегда былъ подъ бокомъ у Н. В—ча...

Пуговица заинтриговала Н. В—ча и онъ охотно полѣзъ въ могилу очищать костякъ. Однако, все богатство покойника ограничивалось одною пуговицею. Нужно было видѣть разочарованное лицо огорченного археолога, вылѣзавшаго изъ могилы, обманувшей его ожиданія...

У меня же опять повторилось погребеніе умершаго мужа съ убитою женою. Признаки убійства послѣдней были еще явственнѣе. Очистку своихъ костяковъ я производилъ уже при разгулявшейся погодѣ. Странное впечатлѣніе производили костяки при отблескѣ заходящаго солнца, которое когда-то наблюдало страшную картину

убійства этой несчастной женщины, обязанной слѣдовать за умершимъ мужемъ...

Н. В. съ Даниловымъ укатили раньше въ д. Полицы, а мы, покончивши съ работой, пріѣхали туда въ сумерки и застали сенатора съ сенатскимъ оберъ-секретаремъ въ довольно жаркихъ дебатахъ съ сельскимъ старостою и «міромъ»... Дебатировался вопросъ о гонорарѣ за работы на раскопкахъ и за наше кормленіе. Въ концѣ концовъ міръ основательно прижалъ сенатора и заставилъ его раскошелиться: за все заплатили больше 30 рублей.

Ночевали снова въ дер. Дряжнѣ, въ усадьбѣ г-жи Стефановичъ.

12 іюня, поблагодаривши за гостепріимство любезную хозяйку и ея брата, тронулись въ обратный путь, направляясь теперь къ ст. Бѣлой. При совершенно прояснившейся погодѣ мы ѣхали по очень разнообразной мѣстности, гдѣ лѣса, горы, долины, рѣчки, озера чередовались въ живописныхъ картинахъ вплоть до дер. Сквородки и нѣсколько дальше.

За дер. Зовки проѣхали около громаднаго озера *Чернаго* или *Весковскаго*, на островѣ котораго расположены развалины какого-то монастыря, которыя намъ не удалось посмотреть.

За то мы описали группу сопокъ и жальникъ у дер. *Миложи*. Это была наша послѣдняя дѣятельность въ роли археологовъ, а дальше мы были уже простыми туристами, только наслаждавшимися своимъ путешествіемъ.

Обѣденная остановка была назначена въ дер. *Сквородки*, гдѣ насъ подкатили прямо къ волостному правленію. Мы уже знали, что волостнымъ писаремъ Узменской волости состоитъ сынъ нашего возницы Евстафія. На встрѣчу вышелъ молодой человекъ, очень скромный, приличный, но нѣсколько смущенный визитомъ сенатора. Но нашъ сенаторъ подалъ писарю руку, мы также поздоровались—и писарь ободрился. На лицѣ родителя—Евстафія расплылась блаженная улыбка, словно онъ самъ удостоился пожатія сенаторской руки...

Писарь ввелъ насъ въ «присутствіе» волостнаго правленія. Н. В.—чѣ попросилъ показать книги приговоровъ волостнаго суда, которыми интересовался какъ матеріаломъ для обычнаго права. Къ нему присоединились Даниловъ и Феноменовъ, какъ юристы. Писарь былъ очень польщенъ, когда сенаторъ нашелъ его книги въ порядкѣ, а приговоры суда призналъ основательными.

Мы съ Тимаевымъ занялись своими «дневниками раскопокъ».

Я предложилъ Калачову спросить у писаря свѣдѣній о древностяхъ Узменской волости, какія нѣсколько лѣтъ назадъ отовсюду требовались центральнымъ статистическимъ комитетомъ. Писарь нашелъ эту бумагу, а помощникъ его списалъ ее для насъ.

Послѣ обѣда, за который Калачовъ заставилъ писаря взять 3 р., какъ ни упорно тотъ отказывался, мы тронулись дальше. Передъ погостомъ *Щиръ*, лежащимъ на берегу большого Щирскаго озера, около дороги замѣтили «городокъ» — остатки городища въ видѣ высокаго и длиннаго вала.

На ст. Бѣлую прибыли около 7 ч. в. Простившись съ Даниловымъ, возвращавшимся въ дер. Зеленскъ, отдохнули на постояломъ дворѣ, затѣмъ переселились на станцію, ожидая поѣзда. Въ 1 ч. ночи тронулись въ Питеръ, куда прибыли утромъ 13 іюня. Здѣсь отъ души поблагодарили Н. В.—ча за доставленное удовольствіе, усадили его въ карету и разъѣхались по домамъ.

Въ слѣдующіе дни мы часто собирались въ институтъ, занимаясь приведеніемъ въ порядокъ нашихъ коллекцій череповъ и вещей. Много было возни съ первыми, чтобы очистить ихъ отъ песка и земли. При очисткѣ одного женскаго черепа изъ всѣхъ отверстій его вдругъ посыпались мелкія бѣлыя бусы, набившіяся во внутрь съ пескомъ. Составилось цѣлое ожерелье.

Всѣ участники экспедиціи, кромѣ Калачова, подготовили для общаго отчета свои «дневники» раскопокъ. Калачовъ рѣшилъ, что отчетъ составить Даниловъ, такъ сказать открывшій урочище «Хотовскій Боръ» и уже «пріобрѣвшій нѣкоторую опытность» въ составленіи подобныхъ отчетовъ.

Въ этотъ общій отчетъ вошло описаніе и второй институтской экспедиціи, въ сентябрѣ того же 1879 г., въ Бологовское имѣніе кн. *П. А. Путятина*. Калачовъ звалъ меня и въ эту экспедицію, но я отказался, чтобы не отнимать мѣста у другихъ охотниковъ прокатиться. Во 2-ой экспедиціи участвовали — Калачовъ, Тимаевъ, Даниловъ, Лебедевъ, Благовѣщенскій, Шишкинъ и Туганъ-Барановскій. Всѣ вернулись очень довольные, но не столько результатами раскопокъ, сколько гостепріимствомъ кн. Путятина и оживленнымъ характеромъ поѣздки.

ХІІІ.

Четвертый семестръ (сентябрь—декабрь 1879 г.).

Еще весною Калачовъ объявилъ, что при выпускѣ будетъ практическій экзаменъ по археологіи, именно по искусству чтенія древнихъ актовъ. Для этого онъ роздалъ всѣмъ слушателямъ подлинныя акты XVII и начала XVIII вѣковъ, изъ своей и институтской коллекцій. Мы сами практиковались въ чтеніи актовъ, не имѣя руководителей. Практика была ничтожная: на долю каждого пришлось всего по 5—10 актовъ... Только Лебедеву, Мейчику и нѣкоторымъ другимъ слушателямъ посчастливилось имѣть болѣе обширную практику независимо отъ институтской. Мы кромѣ десятка актовъ, данныхъ Калачовымъ, пришлось еще читать (для своей карты) подлинныя «писцовыя» и «переписныя» книги XVI и XVII вв.

Въ концѣ сентября, когда вернулась 2-я экспедиція, возобновились лекціи въ прежнемъ составѣ профессоровъ, т. е. мы имѣли въ недѣлю по одной лекціи Калачова, Покровскаго, Андреевскаго и Миллера. Всѣ они закончили свои курсы къ Рождеству.

Публичныхъ собраній въ этомъ семестрѣ было всего три. На ноябрьскомъ собраніи выступили извѣстный «сказитель» былинъ В. П. Щеголенокъ и проф. Орестъ Миллеръ, произнесшій вступительную рѣчь. На первомъ декабрьскомъ собраніи, посвященномъ археологіи, читали Калачовъ, Кибальчичъ, Прохоровъ (о своихъ раскопкахъ около Бологого) и Даниловъ (отчетъ объ институтскихъ экспедиціяхъ). На второмъ декабрьскомъ собраніи выступили Н. В. Покровскій (о задачахъ церковной археологіи), баронъ Черкасовъ и Мейчикъ (по исторіи «Уложенія»).

На послѣднемъ собраніи (20 декабря)— заключительномъ въ нашемъ выпускѣ, послѣ чтенія рефератовъ произошла экспромптомъ маленькая овація Калачову. Слушатели Яковлевъ и Мейчикъ произнесли по его адресу благодарственныя рѣчи за все то, что въ истекшіе два года далъ намъ институтъ и всего болѣе самъ основатель и директоръ его. Для Н. В.—ча это привѣтствіе было совсѣмъ неожиданно, онъ нѣсколько растерялся, но отвѣтилъ намъ теплыми пожеланіями и благодарностью «за совмѣстную, дружную работу». Мы отвѣчали аплодисментами, въ которыхъ приняла участіе и публика.

Частныхъ нашихъ собраній въ этомъ семестрѣ было восемь.

Часть ихъ была посвящена предварительному чтенію и обсужденію рефератовъ, назначенныхъ для публичныхъ собраній. Особенно оживленно прошло обсужденіе «отчета» Данилова; но составитель почти не исправилъ его и въ такомъ видѣ выступилъ и на публичномъ собраніи, и въ печати (въ «Сборникѣ», кн. III).

Одно частное собраніе было посвящено отчету «музейской комиссіи», главные дѣятели которой Тимаевъ и Яковлевъ составили прекрасную опись музея. Другое собраніе было сборнымъ: Калачовъ прочелъ отчетъ о занятіяхъ слушателей, Феноменовъ реферировалъ антропологическую инструкцію Брокъ, а Доброхотовъ сообщил о черновыхъ бумагахъ Сперанскаго въ Государственномъ архивѣ.

Почти на всѣхъ нашихъ частныхъ собраніяхъ обязательно присутствовалъ Калачовъ, затѣмъ часто бывалъ Прохоровъ, а иногда показывались Покровский, Андреевскій, Кибальчичъ и др. Слушатели же собирались всегда охотно и почти въ полномъ составѣ. Всего болѣе мы сближались именно на этихъ собраніяхъ, чуждыхъ малѣйшей формальности, вполнѣ семейныхъ. Само «начальство» наше играло здѣсь роль нашихъ старшихъ товарищей, всегда доступныхъ, простыхъ въ обращеніи, отличавшихся отъ насъ только размѣрами своихъ знаній и опытностью. Всѣ мы очень любили эти собранія, всегда шумныя, оживленныя и столько поучительныя.

Кромѣ слушанія лекцій и посѣщенія институтскихъ собраній, въ послѣднемъ семестрѣ я былъ занятъ печатаньемъ Полоцкой карты и объяснительной записки къ ней (въ III и IV книгахъ «Сборника»). Особенно много было возни съ картою, какъ вслѣдствіе моей неопытности въ подобныхъ работахъ, такъ и переходнаго состоянія той литографіи (перешедшей отъ г. Рудометова къ г. Елагину), гдѣ карта печаталась. Калачовъ очень хотѣлъ издать III кн. «Сборника» (почти исключительно изъ работъ слушателей) къ выпускному акту и сильно подгонялъ меня съ картою. Я съ своей стороны усиленно подгонялъ литографію, но, какъ ни хлопотали всѣ, прикосновенные къ работѣ, но III книга вышла уже послѣ акта, а карта поспѣла только весною 1880 г. и вошла уже въ IV книгу «Сборника», вмѣстѣ съ окончаніемъ «Объяснительной записки», начатой въ III книгѣ. За послѣднюю Калачовъ заплатилъ гонорара по 50 р. за листъ. Помимо гонорара и стипендіи, карта сослужила мнѣ еще одну пріятную службу: благодаря затянув-

шемуся печатанью ея, я съ удовольствіемъ провелъ въ институтѣ лишніе почти полгода (январь—май 1880 г.).

Къ 1880 году мы—слушатели I выпуска считались уже окончившими курсъ и получившими, согласно уставу, званіе «дѣйствительныхъ членовъ» института (кромѣ Доброхотова и Барановскаго, имѣвшихъ среднее образованіе и получившихъ званіе «членовъ-сотрудниковъ»). Для большинства коллегъ положеніе не измѣнялось, кромѣ прекращенія обязательныхъ посѣщеній института: всѣ они оставались на тѣхъ же службахъ въ Петербургѣ, на какихъ состояли въ теченіи институтскаго курса, или же оставались вольными людьми, какими были раньше. Только Мейчикъ, Лебедевъ и я должны были переселиться въ Москву. Мейчикъ числился на службѣ въ московскомъ архивѣ м-ва юстиціи, я былъ зачисленъ туда же съ 1 января 1880 г. (на жалованье въ 50 р., какъ и Мейчикъ), а Лебедевъ былъ приглашенъ въ Румянцевскій музей. Онъ собирался въ Москву очень охотно, но насъ съ Мейчикомъ не тянуло туда, особенно меня, я слишкомъ привязался къ институту и разлука съ нимъ была не легка...

Впрочемъ, я смотрѣлъ на свою поѣздку въ Москву какъ на временную командировку: только потому я принялъ приглашеніе Калачова на службу въ его архивъ, что онъ самъ намекалъ на временный характеръ моей поѣздки. Онъ говорилъ: «лѣто вы проведете въ Москвѣ, въ архивѣ, а на зиму вернетесь къ намъ, въ институтъ»... Тогда я не подозревалъ его плановъ на счетъ моего лекторства въ институтъ (по «исторической географіи» и по «архивовѣдѣнію»), полагая, что рѣчь идетъ о моемъ будущемъ переводѣ изъ московскаго архива въ какой нибудь петербургскій архивъ, или въ Публичную бібліотеку и т. п. учрежденіе.

XIV.

Первый семестръ II выпуска.

(январь—май 1880 г.).

Въ началѣ этого семестра состоялись наши испытанія въ чтеніи актовъ. Они происходили въ часы лекцій Калачова, еще не начинавшихся въ январѣ. Моя очередь была въ концѣ января и я выдержалъ испытаніе довольно сносно. Оно состояло въ томъ, что Калачовъ раздавалъ свои акты слушателямъ, которые сначала прочитывали ихъ про себя, а затѣмъ читали вслухъ предъ экза-

менаторомъ. Разумѣется, такіе знатоки этого дѣла какъ Лебедевъ, Мейчикъ и др. были освобождены отъ испытанія. Изъ остальныхъ слушателей, вообще очень слабыхъ въ этомъ искусствѣ, или совсѣмъ не владѣвшихъ имъ, 3—4 человѣка уклонились подъ разными предлогами отъ испытанія (Шишкинъ и др.), но многіе смѣло явились и нерѣдко превращали наши экзамены (ихъ было 3 или 4) въ очень веселыя представленія... Разумѣется, это происходило съ слушателями, не собиравшимися стать архивистами и смотрѣвшими на испытанія, какъ на одну формальную обязанность. Поэтому и Калачовъ не придавалъ значенія плачевнымъ въ большинствѣ результатамъ нашихъ испытаній, хорошо зная, что будущіе архивисты скоро постигнуть премудрость чтенія актовъ въ своей архивной практикѣ, а отъ остальныхъ незачѣмъ требовать бесполезныхъ для нихъ знаній.

Въ первыхъ числахъ февраля начались лекціи II выпуска. Читали тѣ же профессора и тѣ же курсы, но прибавился новый лекторъ — *Д. И. Прозоровскій*, открывшій систематическій курсъ «Русской Метрологіи». Насколько неудаченъ былъ первый дебютъ его прошлою весною (см. выше), настолько теперь его лекціи становились съ каждымъ разомъ совершеннѣе и содержательнѣе. Видимо онъ много поработалъ надъ подготовкою своего курса и начиналъ входить во вкусъ этого дѣла. Прежняя его робость пропадала и онъ все болѣе сближался съ слушателями, оказываясь милымъ, простымъ и доступнымъ старшимъ товарищемъ.

Мы, — слушатели I выпуска охотно посѣщали его лекціи, какъ новый для насъ курсъ. Но многіе изъ насъ ходили и на остальные курсы, кромѣ Миллера. Я обязательно бывалъ на лекціяхъ Калачова и Покровскаго, такъ какъ не слушалъ начала ихъ курсовъ, поступивши на II семестръ. Охотно слушалъ и Андреевскаго, умѣвшаго разнообразить свои увлекательныя импровизаціи — лекціи. Одинъ Луціанъ Адамовичъ Миллеръ попрежнему страдалъ хроническимъ недостаткомъ слушателей.

На II выпускъ поступило 13 слушателей, но многіе не дотянули даже I семестра и скоро исчезли изъ института. Болѣе вѣрными оказались 7 человѣкъ, которые скоро съ нами сблизились и быстро втянулись въ институтскую жизнь. Это были — *А. К. Марковъ* (нынѣ лекторъ института по нумизматикѣ), *А. Н. Львовъ* (недавно умершій начальникъ синодальнаго архива), *Ф. О. Родзевичъ* (изъ лѣсной академіи, бывшій «доброволецъ» въ Сербіи), *А. И. Петровъ* (штурманскій подполковникъ, симпатичный

сѣдой дѣдушка), *Н. Я. Воскресенскій* (изъ Лазаревского института, умершій черезъ 3 года отъ чахотки въ Омскѣ, гдѣ былъ учителемъ по выходѣ изъ нашего института, не кончивши въ немъ курса), *И. Н. Феноменовъ* (также не окончившій институтскаго курса) и вольный слушатель *П. О. Черневскій*. Всѣ они начинали институтскую работу дружно, усердно посѣщая лекціи и всѣ наши собранія (нѣкоторые новые слушатели посѣщали институтъ еще съ нашего IV семестра). Особенно близко стояли къ институту Марковъ, Львовъ и Родзевичъ.

Изъ случайныхъ лекторовъ до акта былъ у насъ проф. С... въ. Самъ-ли онъ вызвался быть гастролеромъ, или былъ кѣмъ подсунуть Калачову—не знаю. Его чтеніе—о собственныхъ раскопкахъ въ южной Россіи—происходило какъ-то днемъ, въ началѣ января.

Насъ интересовала личность г. С..... съ очень любопытною репутаціей—юриста по специальности и археолога по призванію. Дѣйствительные юристы и археологи всегда отрицательно относились ко всѣмъ его «опусамъ». Члены археологическихъ сѣздовъ и посѣтители ученыхъ обществъ рассказывали, что никто столько не вносилъ «оживленія» въ ученые засѣданія, какъ С.... Стоило ему только начать изложеніе своихъ «идей», какъ на него жадно набрасывалась чуть не вся аудитория и громила его нещадно... Позже на московскомъ археологическомъ сѣздѣ, воочію пришлось убѣдиться въ этой счастливой способности г-на С.... «оживлять» серьезные засѣданія...

Въ одномъ только всѣ отдавали г-ну С... должное—въ его гробокопательскомъ искусствѣ. Дѣйствительно, онъ нарылъ массу кургановъ и собралъ громадныя коллекціи, частію довольно цѣнныя. Но дальше этого коллектированія онъ не пошелъ и ничего изъ своихъ коллекцій не сдѣлалъ. Въ этомъ отношеніи онъ напоминаетъ В. А. Прохорова, собравшаго чужими руками громадныя коллекціи рисунковъ и чертежей русскихъ церковныхъ древностей, но не сумѣвшаго разобраться въ этой массѣ и одухотворить ее...

Чтеніе г. С., длившееся 2 часа, вполне напоминало чтенія Прохорова, отличаясь отъ нихъ развѣ только лучшимъ изложеніемъ. Это былъ такой же случайный и бессистемный наборъ мелкихъ фактовъ, не освѣщенныхъ ни руководящею мыслью, ни историческимъ анализомъ, ни чутьемъ археолога. Все было тутъ безжизненно, скучно, утомительно...

По своимъ пріемамъ лекторъ производилъ впечатлѣніе чело-
вѣка черезчуръ любезнаго. Онъ сладко обращался съ слушателями,
роздалъ имъ сувенирчики, звалъ на свои раскопки— «поучиться»
у него (sic!..), съ паеосомъ обозрѣвалъ коллекціи нашего очень
скромнаго музея, восхищался ими и т. д. Словомъ оставилъ въ
насъ тяжелое впечатлѣніе ¹⁾).

Перехожу къ нашимъ частнымъ собраніямъ, которыя въ этомъ
семестрѣ были очень многочисленны. Нѣсколько собраній было
посвящено обсужденію задуманнаго еще въ прошломъ году изданія
«справочной книги по исторіи и археологіи» (по образцу подоб-
ныхъ заграничныхъ изданій). Инициаторомъ былъ И. Г. Дани-
ловъ, набросавшій первоначальную программу изданія. Всѣ отне-
слись къ проѣкту очень сочувственно, а Калачовъ даже горячо.
Онъ разработалъ планъ Данилова и представилъ на общее обсуж-
деніе. Много о немъ толковали, спорили, но... изданіе не осуще-
ствилось и только нѣкоторые его отдѣлы были выполнены, какъ
увидимъ ниже.

Другія частныя собранія были заняты обсужденіемъ устрой-
ства выставки, подобно прошлогодней. Надъ приготовленіемъ вы-
ставки работали нѣкоторые слушатели, а всѣхъ болѣе потрудился
на этотъ разъ нашъ добрѣйшій и уважаемый секретарь Александръ
Петровичъ Ясенскій, ставшій за эти два года нашимъ любимымъ
товарищемъ, принимавшимъ самое живое и дѣятельное участіе во
всѣхъ нашихъ собраніяхъ и предпріятіяхъ.

А. П. былъ секретаремъ со дня основанія института и успѣлъ
за это время заслужить общую любовь и глубокое уваженіе всего
института. Свободное отъ казенной службы время онъ почти все
отдавалъ институту (живя рядомъ съ нимъ), являясь правою
рукою Калачова по всѣмъ институтскимъ дѣламъ. Онъ былъ цѣн-
ною находкою для Калачова и института, а для насъ—слуша-
телей самымъ необходимымъ человекомъ, безъ котораго нельзя
было и представить института. Онъ сердечно входилъ во всѣ наши
интересы, заботы, нужды и былъ желаннымъ посредникомъ между
нами и Калачовымъ. Правда, послѣдній былъ очень доступенъ,
но все же мы чувствовали черезчуръ большое разстояніе между
имъ и нами, чтобы постоянно обращаться къ нему со всѣми
своими мелочами. Мы предпочитали прибѣгать къ посредничеству

¹⁾ Оставляемъ всецѣло на отвѣтственности автора его отзывы о г. С. и
печатаемъ ихъ съ сокращеніями. Ред.

добрѣйшаго Ал—ра П—ча и никогда въ томъ не раскаивались. Всегда и со всѣми равный, неизмѣнно добродушный, спокойный, онъ являлся идеальнымъ секретаремъ. Онъ горячо былъ преданъ интересамъ института и послѣднюю выставку вынесъ почти одинъ на своихъ плечахъ.

Послѣдніе дни передъ актомъ нѣкоторые слушатели проводили съ утра до вечера въ институтѣ, занимаясь, кромѣ выставки, приведеніемъ въ порядокъ музея, библіотеки и пр. Въ работахъ принимали участіе и слушатели II выпуска, какъ бы по наслѣдству принимая отъ насъ институтъ... Какъ-то вечеромъ пришелъ Калачовъ, одобвившій нашу работу. Онъ усѣлся съ Мейчикомъ въ библіотекѣ, занявшись исправленіемъ актовой рѣчи Л. Миллера. Мейчикъ вышелъ ко мнѣ въ залу и сообщилъ по секрету, что я получаю золотую медаль, а потому долженъ явиться на актъ во фракѣ. Разумѣется, у меня фрака не было и Мейчикъ предложилъ взять деньги у Н. В—ча, въ счетъ гонорара за карту. Я наотрѣзъ отказался и отъ приобрѣтенія фрака, и отъ парадирования на актѣ...

XV.

Первый выпускной актъ.

(24 февраля 1880 г.).

Наканунѣ акта мы собрались съ утра въ институтѣ почти въ полномъ составѣ. Рано прибылъ и Калачовъ, а съ нимъ его помощникъ по московскому архиву м—ва юстиціи *А. А. Орловъ*, которому Н. В. представилъ меня, какъ будущаго сослуживца.

Собравшіеся слушатели находились въ видимой ажитации, разбившись на группы и толкуя о медаляхъ. Нѣкоторыхъ медалистовъ можно было сразу узнать: они выглядывали совсѣмъ именниками, блаженно улыбались, ходили гоголемъ, говорили съ апломбомъ... Обойденные были въ уныніи... Смущенъ былъ и *А. А. Благовѣщенскій*, до котораго дошелъ слухъ, что и онъ обойденъ медалью. Онъ сказалъ мнѣ, что онъ сейчасъ же заявитъ Калачову, что выходитъ изъ состава членовъ института и попроситъ выключить его до акта... Во избѣжаніе этого скандала я досталъ у Ясенскаго отчетъ Покровскаго и показалъ Благовѣщенскому перечень медалистовъ. Коллега просіялъ, найдя здѣсь свое имя... Словомъ, многія наши «институтки» вели себя совсѣмъ по-институтски...

Золотыя медали были присуждены Мейчику, Гаврилову, Данилову и мнѣ, серебряныя Лебедеву, Тимаеву, Яковлеву, Ваденюку, Благовѣщенскому, Шапошникову и Арсеньеву, т. е. большинству слушателей I выпуска (17 человекъ). Къ акту медали не были готовы (на актѣ раздавались только дипломы) и мы получили ихъ послѣ. Золотыя медали стоили около 60 руб.

На другой день, 24 февраля, нашъ *выпускной актъ* состоялся, но я о немъ знаю только по рассказамъ коллегъ. Всѣ хвалили рѣчь Калачова, особенно его заключительное, очень теплое обращеніе къ выпускнымъ слушателямъ, произнесенное съ видимымъ волненіемъ, даже со слезами на глазахъ...

Очень хорошо и съ чувствомъ отвѣтилъ Калачову отъ имени слушателей Д. М. Мейчикъ, благодарившій за принятіе насъ «въ число дѣйствительныхъ членовъ учрежденія, ставшаго нашею *второю семьею*»...

Къ удивленію, сносно прочиталъ свою рѣчь (о задачахъ и методахъ палеографіи) Л. А. Миллеръ, не болѣе 2—3 разъ вызвавшій въ публикѣ сдержанный смѣхъ... Рѣчь его спасла только внимательная редакція Калачова и Мейчика.

Послѣ чтенія отчета Н. В. Покровскаго происходило парадированіе медалистовъ передъ «особами» первыхъ рядовъ креселъ. Товарищъ министра народнаго просвѣщенія кн. А. П. Ширинскій-Шихматовъ вручилъ каждому дипломъ, подъ звуки аплодисментовъ публики.

Собраніе было именитое и многолюдное. Музей и выставка обозрѣвались усердно, какъ и въ слѣдующіе дни.

Когда въ 4-мъ ч. д. я пришелъ въ институтъ, актъ уже давно окончился и только нѣсколько оставшихся коллегъ помогали распорядителю обѣда А. Н. Шишкину въ убранствѣ столовъ, поставленныхъ покоемъ въ нашей залѣ-аудиторіи. Обѣдъ былъ подписной и обошелся намъ что-то очень дешево, хотя все было хорошо и всего обильно, благодаря искусству распорядителя. Какъ добрый человѣкъ, онъ скоро переварилъ свою обиду (неполученіе медали) и былъ самымъ радушнѣйшимъ хозяиномъ нашего обѣда.

Мейчикъ и Даниловъ прочли намъ свои застольныя рѣчи, всѣми одобренныя. Затѣмъ Марковъ привезъ серебряный портъ-сигаръ, подносимый слушателями А. П. Ясенскому. Мы собрались въ музей и на старинномъ блюдѣ поднесли подарокъ Александру Петровичу. Онъ былъ тронутъ, перецѣловался съ нами, а мы отъ души поблагодарили его за все, что онъ для института и для насъ дѣлалъ.

Въ сумерки стали собираться свои и гости; послѣднихъ было болѣе 20, а насъ—хозяевъ (профессоровъ, членовъ и слушателей) около 30 человекъ. Нашъ выпускъ собрался въ полномъ составѣ, кромѣ А. Н. Виноградова, обиженного не полученіемъ медали... Остальные «обиженные» были всѣ на лицо и благодушествовали. Было и нѣсколько слушателей II выпуска.

Когда появился Н. В-чъ, я подошелъ, извиняясь за отсутствіе на актѣ... Онъ благодушно замѣтилъ:

— Отчего же вы не были?.. Спросите у товарищей—они скажутъ, что ничего страшнаго не было...

— Да я и не ожидалъ страшнаго, а неловкое положеніе было, какъ увѣряютъ нѣкоторые товарищи, позавидовавшіе моему отсутствію...

Въ 7-мъ часу послѣ закуски (въ библіотекѣ), усьлись въ залѣ за столъ, красиво убранный цвѣтами, зеленью и фруктами въ музейскихъ старинныхъ сосудахъ.

Въ половинѣ обѣда начались тосты и рѣчи. Пили за здоровье Н. В. Калачова, профессоровъ, членовъ, слушателей, А. П. Ясенскаго, А. Н. Шишкина и др. Первымъ ораторомъ выступилъ И. Г. Даниловъ, взошедшій на кафедру, въ ящикѣ которой лежалъ альбомъ съ нашими фотографическими карточками, подносимый Калачову. Утомленный обѣдомъ, Даниловъ позабылъ выученную рѣчь, но при помощи записки справился съ нею кое-какъ и началъ шарить въ ящикѣ, отыскивая альбомъ. Послѣдній что-то заупрямился... Тогда подлетѣлъ на помощь Туганъ-Барановскій, мигомъ извлекъ альбомъ и поднесъ Н. В-чу, граціозно распаркиваясь и пріятно гремя шпорами... Н. В. отвѣтилъ нѣсколькими теплыми словами.

Затѣмъ посыпались другія рѣчи—Н. В. Покровскаго, Прохорова, Савваитова, Мейчика, А. И. Петрова, Доброхотова, Зарницкаго, Шишкина и др. Особенно понравилась рѣчь Савваитова, сказанная съ обычнымъ добродушіемъ и юморомъ. Тепло и хорошо говорили Мейчикъ и Зарницкій. Послѣдній очень мило обрисовалъ институтъ какъ единую и дружную семью. Но положительный фуроръ произвелъ симпатичный, весь съдой «морской дѣдушка» Алексѣй Ивановичъ Петровъ (70-лѣтній слушатель II выпуска), выразившій свою любовь къ институту въ такихъ прочувствованныхъ словахъ:

— Мнѣ, господа, остается жить не болѣе 2—3 лѣтъ... Но эти послѣдніе свои годы я цѣликомъ отдаю нашему институту...

Долго не умолкали рукоплесканія въ отвѣтъ на эти горячія слова милаго дѣдушки...

Послѣ обѣда гости разъѣхались, остались только свои. Собрался кружокъ любителей пѣнія, затѣмъ выступили доморощенные «сказители» и рассказчики...

Когда Калачовъ собрался уходить, по мановенію Шишкина явилось вино, начались вновь маленькіе спичи въ честь Н. В-ча, затѣмъ «качали» его, Покровскаго, Ясенскаго и др. Калачовъ со всѣми перецѣловался. Когда онъ одѣлся въ передней, кто-то предложилъ вынести его изъ университета и донести домой на рукахъ (т. е. съ 12 линіи на Средній проспектъ)... Но Н. В. вырвался изъ нашихъ рукъ и по-юношески сбѣжалъ по лѣстницѣ, энергично протестуя... Мы проводили до подъѣзда стремительно удиравшаго отъ насъ Н. В-ча...

Вернувшись, еще просидѣли съ Н. В. Покровскимъ, затѣмъ разошлись, унося надолго воспоминанія объ этомъ послѣднемъ нашемъ «юношескомъ праздникѣ», повторенія котораго уже не видать намъ...

Съ выпускнымъ актомъ окончились наши обязательныя отношенія къ институту, но добровольныя связи съ нимъ не прекращались и дальше, особенно при Калачовѣ и отчасти при его преемникѣ Андреевскомъ. И послѣ акта я продолжалъ посѣщать лекціи и всѣ институтскія собранія, дорожа каждымъ часомъ, проведеннымъ въ институтѣ, вѣроятно въ предчувствіи, что моя поѣздка въ Москву изъ временной превратится въ очень продолжительную и навсегда оторветъ меня отъ института... Я радовался, что печатаніе карты и «Объяснительной записки» къ ней отдаляетъ моментъ разлуки съ институтомъ.

Вскорѣ послѣ акта возобновились, въ мартѣ, наши частныя собранія, посвященныя главнымъ образомъ еще не брошенному проекту «Справочной книги» по исторіи и археологіи. Работа въ началѣ подвигалась успѣшно и мы познакомились съ частичнымъ выполненіемъ нѣкоторыхъ отдѣловъ ея. Такъ, Даниловъ прочелъ «Очеркъ правительственныхъ мѣръ по археологіи» (за 25 лѣтъ царствованія Александра II), Гавриловъ «О мѣрахъ Синода по сохраненію памятниковъ древности» и Яковлевъ «О курганографіи Южной Россіи». Когда изданіе справочной книги не состоялось, первые два очерка были напечатаны въ «Вѣстникѣ исторіи и археологіи», замѣнившемъ «Сборникъ Археолог. Института».

По принятому обычаю, нѣкоторые изъ рефератовъ, назна-

ченныхъ на публичныя собранія, предварительно прочитывались и обсуждались на частныхъ собраніяхъ, напр. рефератъ Данилова «О юридическихъ символахъ» и др. Но всего болѣе наши собранія были посвящены бесѣдамъ «обо всемъ понемногу» — о разныхъ текущихъ и предстоящихъ институтскихъ занятіяхъ, напр. о разборѣ архива петербургской думы, о лѣтнихъ экскурсіяхъ и пр.

2 мая было послѣднее частное собраніе, довольно многочисленное (болѣе 20 человекъ). Толковали главнымъ образомъ о предстоящихъ археологическихъ экскурсіяхъ, въ которыхъ мнѣ уже не приходилось участвовать, за отъѣздомъ въ Москву.

На этомъ же собраніи Калачовъ очень ясно выразился, что смотреть на меня, какъ на будущаго институтскаго лектора по кафедрѣ «исторической географіи». Я поблагодарилъ, но отдѣлался какою-то фразой, не придавая серьезнаго значенія любезности Н. В-ча. Меня не тянуло на эту дорогу... Позже, въ Москвѣ, когда меня потянуло въ институтъ, Н. В. уже рѣшительно возобновилъ свое предложеніе, но я еще рѣшительнѣе отклонилъ его. Черезъ годъ предложеніе повторилось, но уже на кафедре «архивовѣдѣнія», и также было отклонено мною.

Изъ отдѣльныхъ чтеній въ этомъ семестрѣ мы наслаждались чтеніями Л. К. Ивановскаго «О методахъ курганныхъ раскопокъ» и А. А. Иностранцева «О каменномъ періодѣ въ европейской Россіи». Это были для насъ новыя откровенія, полныя глубокихъ идей и изящно изложенныя. Особенно было поучительно чтеніе Ивановскаго, большаго практика въ курганныхъ раскопкахъ, но практика съ свѣтлою головою и съ серьезнымъ научнымъ направленіемъ. Онъ отрицательно относился къ существующимъ «инструкціямъ» для раскопокъ, обладая богатымъ запасомъ личныхъ методовъ и приѣмовъ, вынесенныхъ изъ осмысленной практики ученаго археолога, а не верхогляда — коллекціонера...

Оба чтенія происходили на публичномъ собраніи. Изъ присутствовавшихъ гостей нѣсколько несущественныхъ замѣчаній на чтеніе Ивановскаго сдѣлалъ гр. Уваровъ. Дополненіемъ къ этому чтенію былъ рефератъ Ивановскаго (на другомъ собраніи) «О курганахъ сѣверо-западной Россіи», сопровождавшійся обширными демонстраціями моделей кургановъ, рисунковъ, чертежей и вещей изъ раскопокъ референта.

Прекраснымъ дополненіемъ къ чтенію проф. Иностранцева была экскурсія слушателей въ геологическій кабинетъ въ университетѣ.

На остальныхъ публичныхъ собраніяхъ выступали — Н. В. По-

П. 10966.

кровскій (о римскихъ катакомбахъ), слушатель А. К. Марковъ (по нумизматикѣ), И. Г. Даниловъ (о юридическихъ символахъ), И. Шляпкинъ (по эпиграфикѣ), кн. Путятинъ (о задачахъ археологiи) и др.

Очень выдающимся было послѣднее публичное собраніе (15 мая), когда Калачовъ читалъ свой блестящій рефератъ «Волостные суды древней и новой Россiи», вызвавшій оживленныя пренія, въ которыхъ участвовали *Н. И. Костомаровъ* (въ этомъ году нерѣдко посѣщавшій институтъ), Савваитовъ, Барыковъ, Андреевскій, А. Н. Труворовъ, Д. М. Мейчикъ и др.

Тяжело было мнѣ уходить съ этого послѣдняго собранія, а еще тяжелѣе черезъ недѣлю совсѣмъ разставаться съ институтомъ... Въ концѣ мая я уѣхалъ въ Москву. Московскія же мои отношенія къ институту тѣсно связаны съ архивною службою, о которой придется рассказать въ другомъ мѣстѣ.

